

АЛИСА ВЕРЕСОВА

ДОМРАБОТНИЦА У НЕКРОМАНТА

Алиса Вересова

Домработница у некроманта

<https://litres.ru/74413478>

SelfPub; 2026

Аннотация

Профессиональная управляющая Агна Вейр берётся привести в порядок особняк рассеянного некроманта. Работа кажется спасением для её разорившейся семейной артели — пока Агна не узнаёт, кто на самом деле поддерживает в доме безупречный быт. Умершие слуги десятилетиями повторяют привычные обязанности, а сам дом принимает исправность за согласие.

Вместе с городским омбудсменом Раданом Оршем Агне предстоит разобрать невидимый труд по именам, комнатам и воспоминаниям. Но главный ключ, способный менять магические маршруты, требует страшную цену и всё настойчивее предлагает Агне роль идеальной хозяйки. Чтобы освободить других, ей придётся отказаться от самой соблазнительной власти — быть единственной, без кого ничего не работает.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Вакансия с проживанием	6
Глава 2. Инвентаризация отсутствующих	16
Глава 3. Горничная, которая не спит	33
Глава 4. Жалоба из дымохода	51
Глава 5. Проверка без изгнания	66
Глава 6. Некромант в собственной кухне	80
Глава 7. Чай на девять чашек	94
Глава 8. Ключ хозяйки	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Алиса Вересова Домработница у некроманта

От автора

Домашний порядок часто выглядит так, будто возникает сам. Чистые комнаты, горячая еда, исправные двери и вовремя найденные вещи становятся заметны только тогда, когда исчезают. Эта история начинается с женщины, которая умеет видеть работу раньше беспорядка, — и потому первой замечает, что идеальный дом может быть устроен несправедливо.

«Домработница у некроманта» — комедийное фэнтези о профессиональной гордости, памяти и согласии. Его магия вымышлена, но вопросы вполне земные: где заканчивается привычка и начинается обязанность, можно ли любить дело и всё же иметь право его оставить, почему забота без выбора превращается в службу.

Здесь не будет простого изгнания всех призраков или злодея, которого достаточно победить. Умершие хотят разного, живые ошибаются даже с добрыми намерениями, а сохранение прошлого имеет цену. Лучше всего читать этот роман

как историю о доме, который учится помнить людей, не присваивая их.

Глава 1. Вакансия с проживанием

В тот день, когда артель Вейров закрылась, Агна вымыла вывеску.

Дара сказала, что это лишнее. Лавку уже осмотрел новый хозяин, заказчики получили ключи, медные таблички с именами сестёр были сняты с двери. Даже тряпки следовало оставить покупателю: их стоимость вошла в опись вместе с лестницами, щётками и складным столом для починки замков.

Но на синей краске осталось пятно извести. Агна не могла уйти, пока оно было там.

— Он всё равно перекрасит, — сказала Дара, сидя на пустом подоконнике.

— Тогда будет перекрашивать чистое.

— Вот из-за таких решений у нас и не осталось денег.

Тряпка замерла в руке Агны. Дара тут же отвела взгляд.

Они обе знали, что артель погибла не из-за чистых вывесок. Два больших заказчика задержали плату, крыша мастерской потекла, а заём на новый фургон оказался составлен человеком, который любил мелкие буквы больше родной матери. Но ещё они знали: Агна три месяца отказывалась увольнять работников и бралась за всякий заказ, будто достаточное количество хорошо выполненных дел могло убедить арифметику проявить милосердие.

Не убедило.

— Прости, — сказала Дара.

— Пятно почти сошло.

Это было не прощение, однако пока годилось.

В дверь постучали. За матовым стеклом обозначилась высокая шляпа курьера. Он вошёл боком, спасая от дождя лакированную сумку, оглядел пустые полки и сверился с адресом.

— Управляющая Агна Вейр?

— Пока ещё здесь.

Конверт был плотный, сливового цвета, с чёрной восковой печатью. На печати помещались башенка, ворон и девиз настолько мелкий, что Агна сразу заподозрила старые деньги или новую глупость.

Курьер попросил расписаться. Дара дождалась, пока дверь закроется, и спрыгнула с подоконника.

— Если там соболезнавания от кредитора, я его укушу.

— У нас нет денег на лечение кредитора.

Внутри лежали контракт, план особняка и короткое письмо от Савера Крона, магистра посмертных состояний. Он нуждался в профессиональной управляющей на три месяца. Проживание предоставлялось. Питание предоставлялось. Жалованье за первый месяц перечислялось вперёд, после принятия описи. От управляющей требовалось привести хозяйство в порядок перед ежегодной проверкой исследовательской лицензии.

Сумма была такой, что Дара перестала шутить.

— Почему столько?

Агна перевернула лист. На обороте обнаружился перечень из сорока двух помещений и примечание: «Бытовых сложностей не ожидается».

— Потому что бытовые сложности ожидаются, — сказала она.

— Некромант.

— Это профессия, а не диагноз.

— Башенка, ворон и чёрный воск.

— А это уже диагноз.

Они прочли контракт дважды. В нём запрещалось входить без приглашения в ритуальную комнату, переносить кости с каталожными бирками и кормить западную стену после полуночи. Последний пункт был зачёркнут, рядом стояло: «Стена более не голодна». Всё остальное выглядело почти разумно. Отдельной строкой хозяин соглашался не поднимать умерших родственников управляющей для консультаций, взыскания долгов или «неожиданного примирения».

— Заботливый человек, — заметила Дара.

— Опытный наниматель.

Агна провела ногтем по сумме аванса. Её хватило бы закрыть плату бывшим работникам и сохранить Дарину комнату над мастерской до зимы. Три месяца в чужом доме были не новой жизнью, а мостом. Мост не обязан нравиться. Достаточно, чтобы он держал.

— Я поеду утром, — решила она.

— Мы можем придумать другое.

— Мы придумывали другое два месяца.

Дара хотела возразить, но посмотрела на вымытую вывеску и только спросила:

— Возьмёшь мамину книгу?

Агна уже уложила старую инвентарную книгу в дорожный сундук. На обложке выцвели золотые буквы: «Порядок начинается не с метлы». Мать записывала туда свойства домов, капризы хозяев и способы отличить сквозняк от дурного предчувствия. После её смерти сёстры продолжили записи, пока страницы не закончились. Агна хранила книгу не как талисман. Талисманы не имели алфавитного указателя.

— Конечно.

— Тогда возьми ещё нормальные сапоги. Мама не простила бы тебе смерть от мокрых ног.

— А от некроманта?

— Попросила бы квитанцию.

Утром Вельмарк пах дождём, угольным дымом и мокрой листвой. Извозчик согласился ехать в кладбищенский квартал только за двойную плату, а у кованых ворот Тихого Порога потребовал тройную. Агна расплатилась двойной и последние двести шагов прошла пешком, катя сундук по дорожке.

Особняк стоял на холме, слишком узкий для своей высоты. Крыши теснились одна над другой, словно дом в дождь.

ливую ночь нахлобучил все шляпы сразу. В окнах горел ровный янтарный свет. На чёрных ступенях не было ни листа, хотя ветер гнал по кварталу целые стаи мокрой листвы.

Агна остановилась перед дверью и занесла первое наблюдение в новую тетрадь: «Подход убран. Следов работника нет. Водостоки чисты. Запах сырости отсутствует».

Дверь распахнулась до стука.

На пороге стоял мужчина лет сорока в сером жилете, застёгнутом на разные пуговицы. Волосы у него были чёрные, виски — серебряные, а на щеке отпечаталась строчка мелкого почерка. Видимо, до её приезда он спал на бумагах.

— Госпожа Вейр? Савер Крон. Прошу. Осторожнее с третьей плиткой.

Агна перешагнула третью плитку.

— Она проваливается?

— Жалуются.

Под её сундуком плитка тихо вздохнула.

Холл оказался безупречен. Не роскошен — хотя дубовая лестница и витражное окно стоили немало, — а именно безупречен. Зонтичница была сухой. На зеркале не осталось следов пальцев. Пол блестел без восковых разводов. В камине горел огонь, возле него сушились Саверовы сапоги, поставленные носками в одну линию.

Агна огляделась в поисках прислуги.

— Кто ведёт хозяйство сейчас?

— Дом в основном справляется.

— Дом — это объект хозяйства.

— Здесь граница несколько размыта.

— Кто моет пол?

Савер задумался так серьёзно, словно вопрос касался происхождения смерти.

— Обычно к утру он чистый.

— Посуда?

— Возвращается в шкаф.

— Бельё?

— Возвращается в комнаты.

— Жалованье кому-нибудь возвращается?

Некромант моргнул.

— Простите?

— Потом. Сначала приёмка.

Агна сняла мокрое пальто, но не позволила Саверу унести его. Хозяин, не способный назвать работников собственного дома, не получал права распоряжаться её вещами даже из вежливости.

Осмотр занял четыре часа и породил больше вопросов, чем ответов. В кухне кипел бульон, хотя очаг был пуст. В библиотеке книги стояли по росту и теме, а одна полка сама отодвинула пыльный том, когда Савер потянулся не туда. В гостевых спальнях пахло лавандой, простыни были свежими, подушки взбиты. Ни колокольчиков для вызова слуг, ни расписания, ни ведомости текущих работ Агна не нашла.

Зато нашла сорок семь связок ключей.

— Почему столько?

— Дом старый.

— Возраст не размножает ключи.

— Этот иногда размножает.

Она пометила связки цветными нитями и велела ничего не переставлять до окончания описи. Савер согласился с облегчением человека, которому наконец официально запретили понимать собственный быт.

К вечеру Агне отвели спальню на втором этаже и кабинет рядом. На письменном столе уже лежали заточенные карандаши. В шкафу висели три рабочих фартука точно её размера.

— Вы сообщали мерки? — спросил Савер.

— Нет.

— Я тоже.

Они посмотрели на фартуки. Один из них слегка качнулся, хотя окно было закрыто.

— Завтра разберёмся, — сказала Агна.

— Прекрасно. Видите, вы уже управляете.

После ужина Савер ушёл в восточное крыло с обещанием не проводить ничего громкого. Агна распаковала сундук, проверила засовы и принялась за работу. Идеальный порядок всегда оставлял следы. Если их не было видно, следовало начать с места, где порядок нарушили намеренно.

Она выбрала малую гостиную.

На каминной полке стояли фарфоровые пастушки, крес-

ла образовывали аккуратный полукруг, ковёр был вычищен. Агна передвинула одно кресло, положила на пол три сухих листа, принесённых с улицы, и рассыпала возле них щепоть муки. Затем смела всё в маленькую кучку — и оставила.

Это противоречило её природе сильнее, чем подписание долговой расписки. Агна закрыла дверь и записала время.

В половине первого её разбудил тихий шорох.

Она накинула халат, сунула ноги в нормальные сапоги — Дара могла бы гордиться — и вышла в коридор. Светильники горели вполсилы. Дом словно старался не разбудить хозяина.

Дверь малой гостиной была открыта.

Кресло стояло на прежнем месте. Листья исчезли. На ковре не осталось муки.

Посреди комнаты двигалась метла.

Она держалась под углом, удобным для человеческих рук, и короткими точными взмахами подбирала последние крупинки к совку. Ни рук, ни фигуры рядом не было. Только воздух над ковром казался чуть холоднее, а в зеркале у камина на мгновение проступил белый край чепца.

Агна не закричала. Люди её профессии редко кричат при виде чужой работы. Обычно они спрашивают, кто её поручил и почему она не внесена в ведомость.

— Доброй ночи, — сказала она.

Метла замерла.

Совок медленно приподнялся. Мусор исчез в ведре у две-

ри, крышка закрылась сама.

— Я Агна Вейр, новая управляющая. Как вас зовут?

Ответа не было. Холод скользнул мимо неё в коридор. Метла направилась к лестнице.

Агна шагнула следом.

— Подождите. Ваша смена когда заканчивается?

На этот раз метла остановилась так резко, что древко ударилось о перила.

Дом вокруг них затих. Не просто перестал скрипеть — прислушался. В кухне оборвался звон посуды. Где-то наверху закрылась дверь. Из-под лестницы донёсся тяжёлый, размеренный стук, похожий на работу огромных часов.

Холодное пятно рядом с метлой дрогнуло.

А затем метла вырвалась из невидимых рук и сама покатилась вниз по ступеням.

Агна смотрела в пустоту, где только что кто-то стоял. Она не знала имени ночной работницы, не знала условий её службы и даже не могла доказать Саверу, что видела не очередной каприз дома.

Но один ответ получила.

Смена не заканчивалась.

Агна вернулась в кабинет, открыла инвентарную книгу на первой чистой странице и написала: «Тихий Порог. Хозяйство обслуживается неустановленными лицами. Учёт отсутствует. Согласие не подтверждено».

Ниже добавила: «До выяснения считать идеальный поря-

док признаком неисправности».

Под лестницей снова ударили невидимые часы.

Глава 2. Инвентаризация отсутствующих

Утром метла стояла в чулане.

Агна проверила это прежде, чем умылась. Древко было вставлено в железную скобу, щетина очищена, совок висел рядом. На полу не осталось ни крупинки муки, ни сухого листа. Если бы не запись в инвентарной книге, ночное происшествие можно было бы принять за дурной сон, вызванный контрактом с некромантом и слишком мягким матрасом.

Но Агна доверяла записям больше, чем матрасам.

Она привязала к метле красную нитку, поставила у скобы восковую отметку и внесла предмет в опись под номером семьдесят три. Затем открыла дверь чулана и громко сказала:

— До выяснения обстоятельств уборка первого этажа приостановлена. Если вы меня слышите, я прошу ничего не трогать.

Дом не ответил. Где-то за стеной мерно стукнула труба.

За завтраком Савер обнаружился в столовой перед девятью приборами. Он сидел во главе длинного стола и читал письмо, держа чашку над пустым блюдцем. Каша дымилась в девяти тарелках. Восемь стульев пустовали.

— У вас гости? — спросила Агна.

Савер поднял глаза.

— Не сегодня.

— Тогда зачем накрыто на девять человек?

Он впервые посмотрел на стол так, будто стол явился без приглашения.

— По привычке, вероятно.

— Чьей?

— Дома.

Агна села не справа от хозяина, где лежала салфетка с её инициалами, а на дальний свободный стул. Салфетка сама собой скользнула вдоль стола и легла перед ней.

— Прошу не делать этого, — сказала Агна.

Салфетка замерла.

Савер отложил письмо.

— Вы разговариваете с бельём?

— С тем, кто его перемещает.

— Здесь иногда двигаются вещи. Я упоминал, что дом необычный.

— Вы упомянули жалующуюся плитку и неголодную стену. О ночной прислуге в контракте ничего нет.

— Прислуге?

— Сегодня в половине первого кто-то убрал оставленный мной мусор. Я видела метлу и отражение женщины в чепце. Она не ответила, когда я спросила имя. На вопрос об окончании смены она испугалась.

Савер нахмурился не виновато, а сосредоточенно. Так мог

бы смотреть аптекарь на редкий осадок в колбе.

— Возможно, проявился домашний отголосок.

— Это не должность.

— Конечно нет. Скорее остаточная последовательность действий. Старые дома запоминают быт. Особенно если в стенах много костной извести, а в роду владельцев есть некроманты.

— Остаточная последовательность умеет пугаться?

— Вы уверены, что это был страх?

— Я шестнадцать лет управляла чужими домами. Если работник бросает инструмент и уходит, когда его спрашивают о смене, я допускаю три причины: страх, обиду или пожар. Пожара не было.

Савер коснулся ложки. Та сама зачерпнула кашу, но он перехватил её на полпути и положил обратно.

— Я не вызывал сюда горничную.

— Я пока не обвиняла вас в вызове. Я спросила, кто работает в вашем доме.

— Живых слуг у меня нет.

— Формулировка удобная, но недостаточная.

Агна достала из кармана сложенный лист и положила рядом с его чашкой.

— Сегодня мы проводим полную инвентаризацию помещений, инструментов, ключей и повторяющихся работ. Вы идёте со мной. Любые исследования в восточном крыле, способные поднять шум, холод, покойников или пыль, отклады-

ваются.

— У меня назначен опыт.

— У вас назначена ежегодная проверка лицензии через одиннадцать недель. Именно для неё вы наняли меня. Если городской инспектор найдёт неучтённую посмертную деятельность, он не похвалит чистые водостоки.

— Вы уверены, что она неучтённая?

— Нет. Поэтому начнём с учёта.

Савер прочёл лист. В верхней строке стояло: «Присутствующие при обследовании». Агна уже вписала себя. Ниже оставалось пустое место.

Он взял карандаш.

— Савер Крон, собственник, — продиктовал он.

— И выгодополучатель.

Карандаш остановился.

— Это обязательно?

— Особенно это.

Он дописал слово.

Начали с кухни. Агна велела затушить очаг, остудить плиту и убрать со стола всё, кроме листов описи. Через три минуты дверца буфета открылась. Медная кастрюля выплыла наружу, опустилась на плиту и звякнула крышкой.

Агна поставила перед ней табурет.

Кастрюля замерла. Потом обогнула табурет.

Она переставила табурет.

Кастрюля раздражённо ударилась ручкой о край плиты.

— Предметы обычно не раздражаются, — сказала Агна.

— Медные иногда, — возразил Савер. — Но я понимаю вашу мысль.

Воздух возле полки с крупами был холоднее, чем у окна. Агна медленно провела ладонью вдоль стены. Холод тянулся от буфета к очагу узкой дорожкой, будто кто-то десятилетиями ходил одним маршрутом и протоптал тропу не в половицах, а в самом тепле комнаты.

Она посыпала пол тонким слоем муки.

— Вы опять мусорите, — заметил Савер.

— Я создаю видимое доказательство.

В муке появился след. Не отпечаток ступни, а длинная чистая полоса: невидимый подол прошёл от буфета к плите. Вторая полоса пересекла её возле стола. На миг пахло печёным луком.

— Здесь двое, — сказала Агна.

— Или один широкий.

Она посмотрела на него.

— Шутка была защитной реакцией?

— Да.

— Отметим как прогресс.

Они сняли с крючков фартуки. Один был рассчитан на крупную женщину, другой — на худого подростка, третий оказался мужским и имел подпалину у кармана. На внутренней стороне пояса первого фартука выцвели вышитые буквы «Э. Л.». У второго вместо имени значилось: «мальчик».

В кладовой Агна нашла девять банок с сахаром, хотя Савер покупал сладкое редко, и три полки солений с датами тридцатилетней давности. Банки не портились. Стоило Саверу взять одну, как другая подвинулась на освободившееся место.

— Кто ведёт закупки? — спросила Агна.

— Заказы появляются у бакалейщика.

— Чьей рукой написаны?

— Я думал, моей.

— Вы не знаете свой почерк?

— В лаборатории я пишу правой рукой. Во сне, как выяснилось однажды, левой. Иногда заказы очень разборчивы.

Агна закрыла глаза и сосчитала до трёх. Домоуправление требовало терпения. Некроманты — отдельного приложения к терпению.

— Покажите последние счета.

— Они должны быть в кабинете бабушки.

— «Должны быть» — одно из самых дорогих выражений в хозяйстве.

К полудню у них было обследовано двенадцать помещений из сорока двух. Холодные дорожки обнаружились в десяти. В музыкальной комнате кто-то протирал клавиши, но не трогал крышку рояля. В малой библиотеке книги перемещались только между полками, отмеченными бронзовой буквой «Ф». В зимнем саду ножницы обрезали сухие листья и каждый раз останавливались перед белыми розами, хотя те

нуждались в уходе больше остальных.

Агна записывала действие, время, предмет, направление движения и возможного исполнителя. В графе «волеизъявление» пока везде стояло: «не установлено».

Савер поначалу пытался объяснять каждую странность свойствами дома. Через час объяснения стали короче. Через два он сам начал замечать холод.

Возле бельевой комнаты он остановился и потёр руки.

— Здесь всегда так?

— Вы живёте в этом доме сорок один год.

— Тридцать восемь. Первые три мы провели в поместье матери.

— Тогда вы лучше меня знаете ответ.

Савер молчал.

Дверь бельевой комнаты была заперта. Агна перебрала первые две связки ключей. Ни один не подошёл. Третья связка оказалась бесполезной, четвёртая содержала два одинаковых ключа, открывавших разные шкафы. На пятой висела медная бирка с цифрой девять.

Когда Агна вставила ключ в замок, за дверью кто-то быстро отступил.

— Слышали? — спросила она.

— Да.

Внутри никого не было. На верёвках висели простыни. В медном чане плескалась горячая вода, хотя под ним не горел огонь. Рубахи Савера аккуратно лежали стопками на столе.

Рядом возвышалась гора старомодного белья: чепцы, передники, мужские сорочки с высокими воротниками, детские чулки. Всё было выстирано, выглажено и подготовлено для людей, которые давно перестали открывать шкафы.

— Чьё это? — спросила Агна.

Савер взял маленький чулок. Ткань прошла сквозь его пальцы и вернулась на вершину стопки.

— Моего дяди Тиана, вероятно. Он умер ребёнком. За двадцать лет до моего рождения.

— А передники?

— Не знаю.

На дальней стене висело расписание. Чернила почти исчезли, но Агна разобрала дни недели и перечень: белое бельё, цветное, господское, детское, форменное. Напротив каждой строки стояло число повторений. Некоторые были зачёркнуты. Последняя строка — «траурное» — насчитывала девятьсот девяносто восемь.

— Это счётчик? — спросила Агна.

Савер приблизил к бумаге ладонь. На его пальце вспыхнуло серое колечко света.

— Похоже на мнемоническую насечку. Дом отмечает завершённые циклы.

— Что произойдёт после тысячного?

— Не знаю.

— Вы изучаете память умерших.

— Память отдельного умершего. Дома не входят в мою

специализацию.

— Зато входят в мою.

Агна сняла расписание со стены. В тот же миг простыни на верёвках натянулись, вода в чане ударила о край, а все утюги разом повернулись к ней носами.

— Я не уничтожаю его, — сказала она комнате. — Мне нужно прочитать.

Утюги не отвернулись.

Она положила лист на стол. Напряжение ослабло. Невидимые руки принялись складывать старое бельё, торопливо и неровно. Одна сорочка упала. Агна подняла её и не стала класть обратно.

— Кто бы вы ни были, остановитесь. Сегодня это не требуется.

Сорочку потянуло из её рук.

— Стойте.

Ткань натянулась между Агной и пустотой. Тянули не сильно, но настойчиво — с той безнадёжной экономией движения, какая появляется у человека после слишком долгой работы.

Агна отпустила. Сорочка мгновенно сложилась и легла в стопку.

— Она не может остановиться, — тихо сказал Савер.

— Или не верит, что ей позволено.

В кабинете Леванты Крон пахло лавандой и старой бумагой. Портрет прежней хозяйки висел над письменным сто-

лом: сухая женщина с тяжёлым кольцом ключей смотрела на художника так, словно он опоздал закончить работу. Савер снял со шкафа три книги расходов. Пыль поднялась только над верхней крышкой; сами корешки были чистыми.

— Их кто-то достаёт, — сказала Агна.

— Я иногда сверяю расходы на реактивы.

— Все три?

— Нет.

Она открыла самую старую книгу. Страницы были разделены на столбцы: продовольствие, содержание дома, одежда, жалованье. Последний столбец заканчивался сорок два года назад. Имена сменились должностями, затем исчезли совсем. Но закупки продолжались.

«Сахар — девять фунтов. Мука — двадцать. Свечи кухонные — три дюжины. Чепцы горничных — четыре. Передники — шесть. Сапоги трубочиста — одна пара».

Запись была сделана год назад.

Агна перелистнула несколько страниц. Те же количества повторялись через равные промежутки. Продуктов покупали больше, чем мог съесть Савер. Форму заказывали для людей, которых он не нанимал. Изношенные вещи исчезали из шкафов, новые занимали их место. Деньги уходили с хозяйственного счёта незаметными суммами.

— Кто получает заказы? — спросила она.

— Лавка доставляет их к воротам. Утром корзины пусты.

— Кто платит?

— Дом имеет доступ к счёту на обычные нужды.

— Дом не является стороной договора с банком.

— По завещанию бабушки является распорядителем малых сумм.

— А исполнители работ получают жалованье?

Савер посмотрел на пустой столбец.

— Отголоску деньги не нужны.

— Мы ещё не установили, кто здесь отголосок, а кто человек после смерти. Зато установили, что кто-то шьёт форму для отсутствующего персонала и продолжает снабжать хозяйство так, будто все эти люди служат здесь до сих пор.

Она подвинула к нему книгу.

— Читайте имена.

— Здесь нет имён.

— Раньше есть.

На страницах сорокалетней давности сохранился список выплат. Эдна Лиор, кухарка. Мелла Тес, горничная. Орв Дай, трубочист. Фер Кале, библиотекарь. За ними шли ещё одиннадцать человек. Возле некоторых имён стояли пометы «умер», «ушла», «не явился после лихорадки». Но ниже, в графах продуктов и формы, должности продолжали жить собственной бухгалтерской жизнью.

Савер провёл пальцем по строке Меллы.

— Она умерла в этом доме. Бабушка говорила, от воспаления лёгких.

— Сколько ей было?

— Не знаю.

— Где похоронена?

— На семейном участке для служащих, наверное.

— Получила ли расчёт её семья?

— Госпожа Вейр, это произошло до моего рождения.

— А простыни она перестилала сегодня ночью.

В кабинете стало холодно. Не постепенно: воздух словно провалился на несколько ступеней. Портрет Леванты покрылся инеем по нижнему краю.

Савер обернулся к двери.

За ней слышались шаги. Много шагов. Они двигались по коридору в разных направлениях: быстрые возле кухни, шаркающие у лестницы, лёгкие над потолком. Дом продолжал работу, хотя Агна приостановила уборку.

На письменном столе сама собой открылась средняя книга расходов. Перо поднялось из чернильницы и вывело свежую строку:

«Мука для проверки — один фунт. Удержать из содержания».

Агна перечитала запись.

— Он ещё и мелочный, — сказала она.

Савер неожиданно рассмеялся. Смех вышел коротким, почти испуганным.

Перо переместилось к столбцу жалованья. Постояло над ним. Чернила собрались на кончике тяжёлой каплей, упали и расплылись пятном.

— Дом не знает, кому платить, — произнёс Савер.

— Или не считает нужным.

Он закрыл книгу, но та снова открылась.

— Я действительно думал, что это отголоски, — сказал он. — Пустые привычки. Бабушка объясняла: если чашка сама возвращается на блюдце, благодарить некого. Благодарность только укрепляет бессмысленное повторение.

— А вы проверяли?

— Как? В ритуальной комнате я могу вызвать конкретного умершего, если есть имя, останки или сильная личная вещь. Здесь явления рассеяны по всему дому. Они не отвечают мне.

— Вы спрашивали об окончании смены?

Савер не ответил.

Агна вынула из инвентарной книги чистый лист и переписала пятнадцать имён. Напротив каждого оставила три графы: «слышит», «может отказаться», «желаемый исход». Затем сняла со стены портрет и обнаружила за рамой маленький бронзовый ключ.

Савер побледнел.

— Этого ключа здесь не было.

— Когда вы последний раз снимали портрет?

— Никогда.

— Тогда ваша уверенность не имеет хозяйственной ценности.

Ключ был тёплым, в отличие от комнаты. На бородке вы-

гравировали крошечную букву «М». Агна не стала вставлять его в первый попавшийся замок. Завернула в бумагу, подписала время и место находки и положила в отдельный карман.

Из стены донёсся скребущий звук.

На обоях проступила линия, будто невидимый палец писал по пыли. Сначала появилась буква «Н», затем «Е». Дальше след оборвался. Дом тряхнул рамой портрета у Агны в руках.

— «Не» что? — спросила она. — Не брать? Не отдавать? Не Мелла?

Линия исчезла.

Савер подошёл ближе, но не попытался забрать ключ.

— Если это личная вещь, я смогу вызвать её вечером.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы собственник, выгодополучатель и некромант. Пока мы не выясним, кто она и чего боится, вы не будете вызывать предполагаемую работницу в комнате, где полностью контролируете ритуал.

— Вы запрещаете мне пользоваться собственной лабораторией?

— В отношении этих пятнадцати лиц — временно. Можете поднимать кого угодно ещё, если у него нет хозяйственных обязанностей.

Савер потёр переносицу.

— Вы очень быстро освоились.

— Нет. Я очень быстро обнаружила, что вы не освоились за тридцать восемь лет.

Он принял удар без возражений. Это понравилось Агне меньше, чем спор: молчание оставляло ей всю тяжесть решения.

До вечера они обследовали ещё девять комнат. В комнате для чистки обуви пустые щётки ходили по сапогам, которые давно рассыпались бы без чар. В чулане возле чёрной лестницы нашлись двенадцать комплектов формы разных эпох и книга выдачи, где вещи возвращались даже после смерти получателя. На чердаке кто-то штопал плащ Савера нитками, снятыми со старой ливреи. Возле дымохода холодная дорожка уходила вверх, в сажу.

Агна не стала лезть за ней без страховочной верёвки. Записала: «Трубочист. Возможное имя — Орв Дай. Проверить утром».

Когда они вернулись в холл, часы показали семь. На столике у входа лежала стопка заполненных Агной листов, хотя она оставила их в кабинете. Дом рассортировал опись по этажам и подложил под каждый раздел подходящий ключ.

— Он помогает, — сказал Савер.

— Он вмешивается в проверку.

— Результат тот же.

— Нет. Помощь можно отклонить.

Агна собрала ключи, не используя подсказку. Один из них прилип к столу. Она потянула сильнее. Под столешницей

глухо застучало — три быстрых удара, пауза, ещё три.

— У дома бывает азбука? — спросила она.

— Не замечал.

— Теперь будем замечать.

Они договорились, что Савер до утра не входит в ритуальную комнату и не отдаёт дому новых распоряжений. Агна забрала книги расходов в свой кабинет. У двери хозяин задержался.

— Если вы правы, — сказал он, — что именно я сделал?

— Пользовались тем, что считали автоматическим.

— Я никого не удерживал.

— Тогда вам будет легче помочь им уйти.

— А если уход разрушит дом?

Агна посмотрела на чистый коридор, на ровно горящие светильники, на дорожку, где ни одна пылинка не смела задержаться дольше минуты.

— Это вопрос на завтра. Сегодня вопрос проще: разрушает ли дом их.

Ночью она заперла книги расходов в шкафу и положила найденный ключ под стеклянный колпак. Красная нитка на метле в чулане оставалась целой. Уборка первого этажа будто прекратилась: возле двери лежала принесённая ветром хвоя, на зеркале сохранились отпечатки Саверовых пальцев.

Но в половине первого за стеной зашуршала ткань.

Агна вышла в коридор. У дверей гостевых спален появились холодные полосы. Они тянулись от комнаты к комна-

те, семнадцать одинаковых отрезков. За первой дверью взбилась подушка. За второй покрывало само расправило складку.

— Мелла? — позвала Агна.

В дальнем зеркале появился белый чепец. Под ним на этот раз угадывалось лицо — молодое, усталое, сердитое. Отражение смотрело не на Агну, а на бронзовый ключ в её руке.

— Он ваш?

Призрачные губы шевельнулись. Звука не было.

Агна подняла составленный лист.

— Я нашла ваше имя в ведомости. Если это вы, завтра я попробую остановить маршрут. Не вас. Работу.

Отражение приблизилось к стеклу. На запотевшей поверхности возникла ладонь.

Затем дверь ближайшей спальни распахнулась, и невидимая сила потащила призрак внутрь. Чепец исчез. Постель за дверью начала перестилаться с такой скоростью, будто опоздание следовало наверстать.

По штукатурке прошла тонкая трещина.

Агна приложила ладонь к косяку. Дом дрожал.

— Значит, завтра, — сказала она. — И на этот раз я не буду просить тебя остановиться.

Она раскрыла инвентарную книгу и напротив имени Меллы поставила первую отметку в графе «слышит».

В графе «может отказаться» пока осталось пусто.

Глава 3. Горничная, которая не спит

К восьми утра Агна знала о ночном маршруте Меллы больше, чем Савер узнал за тридцать восемь лет жизни в Тихом Пороге.

Это было не столько свидетельством её таланта, сколько обвинением хозяину.

Семнадцать гостевых спален располагались по обе стороны западного коридора. В каждой Мелла снимала покрывало, переворачивала подушки, разглаживала простыню, ставила у кровати кувшин и проверяла шторы. Порядок действий не менялся. На комнату уходило одиннадцать минут, кроме шестой, где заедало кольцо на карнизе, и четырнадцатой, где дом заставлял трижды поправлять кружевную салфетку.

Между последней и первой спальней призрак не отдыхал. Холодная дорожка замыкалась у чёрной лестницы, и спустя семь минут всё начиналось сначала.

— Четыре полных обхода за ночь, — сказала Агна за завтраком. — Шестьдесят восемь перестеленных постелей, в которых никто не спал.

Савер опустил чашку.

Сегодня стол был накрыт на двоих. Видимо, дом умел счи-

тать присутствующих, когда за ним наблюдали.

— Я ни разу не просил перестилать их каждую ночь.

— Вы ни разу не просили прекратить.

— Вы сказали, что распоряжения могут укреплять маршруты.

— Поэтому просить будете не вы.

Агна положила перед ним план западного коридора. На нём красными чернилами были отмечены семнадцать дверей, синими — точки проявления Меллы, чёрными — места, где предметы начинали двигаться сами.

— Сегодня мы выясним три вещи. Может ли она изменить порядок комнат. Может ли отказаться от отдельного действия. И что именно принуждает её продолжать: ключ, помещение или признанная обязанность.

— Вы говорите как исследователь.

— Я говорю как управляющая, которой не нравится бессмысленная работа.

— Каким образом вы намерены её остановить?

— Не приказом.

Агна достала из кармана список хозяйственных правил и зачеркнула строку «горничная обязана содержать гостевые комнаты в постоянной готовности». Эту формулировку она нашла ночью на обороте старой ведомости.

— Я изменяю условия помещения. Если маршрут — привычка, Мелла обойдёт препятствие. Если это приказ, дом попытается исполнить его любой ценой. Если у неё остаётся

собственная воля, она сможет выбрать, помогать ли мне.

— А если дом пострадает?

— Вчера пострадала стена. Сегодня попробуем, чтобы не пострадала женщина.

Савер поморщился при слове «женщина», словно оно отнимало у удобного явления научную безличность. Но спорить не стал.

Они начали с первой спальни. Агна сняла с кровати матрас, прислонила его к стене и разобрала раму. Болты сложила в коробку, каждую деталь пометила мелом. Кувшин перенесла в шкаф, шторы связала, подушку унесла в коридор.

— Это ваша проверка? — спросил Савер. — Уничтожить кровать?

— Сделать действие физически невозможным, не запирая дверь и не повреждая маршрут.

— Дом способен собрать мебель.

— Тогда узнаем, считает ли он сборку обязанностью горничной.

В дверях появилась тележка со свежим бельём. Она катилась сама, но остановилась перед снятой дверной ручкой: Агна заранее вынула штифт и оставила ручку на подносе посреди порога.

Тележка толкнулась в косяк. Отъехала. Снова толкнулась.

Воздух похолодел. На отполированной крышке тележки проступило отражение белого чепца.

— Мелла Тес, — спокойно сказала Агна. — Меня зовут

Агна Вейр. Я не хозяйка этого дома и не могу нанять вас задним числом. Я провожу проверку работы. Если вы слышите, коснитесь левой стены.

Тележка рванулась вперёд. Ручка с подноса упала и пока- тилась по полу.

— Не торопитесь. Здесь нет постояльца. Кровать разобра- на. Смена не будет считаться незавершённой по моей описи.

На обоях слева распустился иней. Узкая ладонь просту- пила на нём на миг и исчезла.

Савер шумно вдохнул.

— Не приближайтесь, — сказала Агна, не оборачиваясь.

— Я ничего не делаю.

— Вы собирались.

— Хотел проверить структуру проявления.

— Вот именно.

Она присела возле тележки, оставаясь в стороне от холод- ной дорожки.

— Мелла, я положу дверную ручку справа. Если вы хотите войти, возьмите её. Если не хотите, оставьте на месте. Оба ответа будут записаны как допустимые.

Ручка лежала на паркете. Серебряная, тяжёлая, с затёр- тым узором. Холодная полоса протянулась к ней, остано- вилась в вершке и задрожала.

Внутри комнаты матрас с грохотом упал на пол.

Тележка ударила Агну в колено.

Савер поймал её за локоть, но она тут же высвободилась.

— Не удерживайте меня.

— Вы могли упасть.

— Могла. И сама устояла.

Она сказала это резче, чем требовалось. Савер поднял руки и отступил. Агна отметила про себя его быстрое послушание границе, затем вернулась к наблюдению.

Дверная ручка не двигалась.

Зато тележку толкало всё сильнее. Колёса визжали, дерево скребло косяк. Дом пытался провести работу через дверь, которой больше нельзя было управлять привычным способом.

— Она не берёт предмет, — сказал Савер.

— Или дом не позволяет ей потратить время.

Агна взяла ручку сама и открыла дверь. Тележка ворвалась в спальню. Простыни взлетели, обернулись вокруг разобранной рамы и принялись стягивать доски, будто ткань могла заменить болты. Подушка метнулась к голому полу. Кувшин застучал в запертом шкафу.

В зеркале над комодом возникла Мелла.

Теперь Агна видела её целиком: невысокая женщина лет двадцати пяти или тридцати, с туго убранными волосами и острым подбородком. Форменное платье сидело на ней плохо — короткие рукава, слишком узкий ворот. На правом запястье темнела полоса, похожая на старый ожог. Мелла обеими руками держала простыню, но руки двигались не вместе с тканью. Они пытались опустить её, тогда как дом снова и

снова вскидывал край к изголовью.

— Я вижу разницу, — сказала Агна. — Вы тянете вниз.
Мелла подняла глаза.

Ткань хлестнула по зеркалу, закрыв отражение.

— Савер, выйдите в коридор.

— Почему?

— Потому что она смотрела на вас, прежде чем исчезнуть.

Некромант побледнел.

— Я не вызывал её.

— Сейчас важно не то, что сделали вы. Важно, чего боится она.

Савер вышел. Сам, без дальнейшего спора. Дверь за ним осталась открытой.

Агна села на пол посреди разобранной комнаты. Это нарушало все правила приличного управления домом, но делало её ниже зеркала и дальше от кровати.

— Я одна, — сказала она. — И не стану приказывать вам говорить. Покажите, какое действие ваше, а какое дома.

Подушка поднялась и легла у изголовья.

В зеркале Мелла качнула головой.

Подушка взлетела снова. На этот раз призрачная рука ударила её в сторону. Дом вернул подушку на место.

Мелла ударила ещё раз.

Так продолжалось шесть раз. На седьмой подушка лопнула по шву, и комнату заполнили перья. Они кружили в холодном воздухе, садились на волосы Агны, липли к влажно-

му стеклу. Одно перо прошло сквозь плечо Меллы.

Её лицо исказилось от ярости.

— Записываю: действие «положить подушку» выполняет против явного сопротивления Меллы Тес, — сказала Агна. — Ответственность за испорченную вещь несёт хозяйственная система, а не работница.

Дом дёрнул все четыре шторы разом. Карниз в шестой комнате за стеной пронзительно звякнул.

Мелла смотрела на Агну с недоверием.

— Вам когда-нибудь записывали порчу в долг?

Призрачная рука коснулась ожога на запястье.

— Понимаю. Нет, не понимаю. Но вижу, что вопрос имеет отношение к делу.

Агна раскрыла инвентарную книгу на чистой странице и крупно написала: «Мелла Тес не отвечает за ущерб, причинённый принудительным маршрутом». Повернула книгу к зеркалу.

Чернила поползли по бумаге назад, собираясь в кончик пера, которого здесь не было.

Агна прижала страницу ладонью.

— Это моя книга.

Бумага нагрелась. Буквы остановились.

Из-под плинтуса донёсся сухой треск.

— И моя запись, — добавила она. — Здесь дом не распорядитель.

В зеркале Мелла медленно разжала пальцы.

Простыня продолжила натягиваться сама.

Вот оно. Не остаток, не единая последовательность. Два усилия, наложенные друг на друга: чужая воля и обязанность, настолько старая, что дом научился двигать ею, как рукой.

Агна поднялась.

— Первую комнату мы проверили. Пойдёмте во вторую, если вы хотите. Или оставайтесь здесь. Я не знаю, можете ли вы выбрать путь, поэтому предложу предметный выбор.

Она поставила в коридоре две корзины. В левую положила свежую наволочку — знак продолжения обхода. В правую — старый бронзовый ключ с буквой «М», найденный за портретом Леванты.

— Если ключ ваш и вы хотите, чтобы он оставался у меня до выяснения, коснитесь правой корзины. Если хотите продолжить работу — левой. Если не хотите ни того ни другого, не касайтесь ничего.

Савер стоял у дальней стены. Агна велела ему отвернуться.

Холод вытек из спальни. На мгновение обе корзины покрылись инеем. Левая подалась вперёд, словно её тянули к следующей двери. Правая осталась на месте.

Потом на ручке правой корзины возникли четыре белых пальца.

Ключ подпрыгнул и звякнул о дно.

Левая корзина продолжала скользить сама.

— Записано, — сказала Агна. — Ключ остаётся под моим контролем. Это решение Меллы, не движение дома.

Пальцы исчезли.

Они повторили опыт во второй комнате. Агна не разбирала кровать, а натянула поперёк дверей две прочные ленты с восковыми печатями. Пройти можно было, только сорвав одну. На первой написала: «Работа», на второй: «Отказ». Не идеальный выбор — отказ всё ещё выглядел действием, — но Мелле требовался способ оставить след.

Холодная дорожка дошла до порога. Лента «Работа» натянулась и лопнула.

— Дом выбрал привычный вход, — сказал Савер.

— Пока только это.

Агна восстановила печать и поменяла ленты местами. Вторая попытка порвала ту же физическую преграду, теперь помеченную словом «Отказ».

— Значит, надпись не влияет, — сказал он.

— На дом — нет. А на Меллу?

В зеркале коридора мелькнул чепец. На целой ленте «Работа» появился иней, но печать не сломалась. Мелла показала, что прочла оба слова и не управляла прорывом.

Агна записала результат.

В третьей комнате она сняла всё бельё и оставила на кровати табличку: «Комната выведена из эксплуатации». Дом принёс бельё из соседней. В четвёртой Савер по её просьбе официально объявил, что не признаёт перестилание обязан-

ностью горничной. Маршрут замер на сорок секунд, затем продолжился.

— Признание хозяина ослабляет его, но не отменяет, — сказала Агна.

— Или я не тот хозяин, чьё признание его создало.

Он посмотрел на портрет Леванты, временно поставленный у стены. Агна ничего не ответила. Это предположение следовало проверять, а не утешать им наследника.

К шестой комнате дом уже понял, что ему мешают.

Двери начали распахиваться заранее. Кувшины сами наполнялись водой. Кровати подпрыгивали навстречу простыням. Заедающий карниз ходил по кольцу так быстро, что металл раскалился. Мелла появлялась в каждом зеркале на долю секунды, всё более прозрачная, словно маршрут растягивал её между комнатами.

— Прекращаем опыт, — сказал Савер. — Её проявление распадается.

— Согласна. Но прекращаем не по вашему приказу.

— Какая разница, если ей больно?

— Разница между защитой и присвоением решения.

Агна встала посреди коридора и подняла обе пустые руки.

— Мелла, мы остановим проверку, если вы не возражаете. Коснитесь стены один раз — остановить. Два раза — продолжать.

Дом ударил дверьми. Раз, другой, третий — беспорядочно и громко.

— Так не получится, — сказал Савер.

— Верно.

Агна оглядела коридор. Всё здесь принадлежало дому: стены, двери, зеркала, бельё, даже сквозняк. Любой знак он мог повторить. Кроме того, что находилось вне его привычного порядка.

Она сняла левый башмак и поставила его посреди ковровой дорожки.

— Если остановить — поверните носком к окну. Если продолжать — к лестнице.

— Почему башмак? — шёпотом спросил Савер.

— Потому что ни один приличный дом не считает одиночный башмак средством делопроизводства.

Башмак качнулся к лестнице. Дом попытался вернуть вещь Агне: тот проехал по ковру и ткнулся ей в пятку.

Она отодвинула его обратно.

— Это был дом. Ждём.

Холод сгушался. Мелла проявилась не в зеркале, а прямо в коридоре — бледная, полупрозрачная, с простынёй, проходящей сквозь её грудь. Она наклонилась к башмаку. Её пальцы несколько раз проскользнули сквозь кожу.

Дом распахнул седьмую дверь.

Меллу потянуло туда. Она упёрлась каблуками в ковёр. Следов не осталось, но Агна увидела усилие: согнутые колени, стиснутые зубы, натянутые плечи.

Башмак медленно повернулся носком к окну.

— Останавливаем, — сказала Агна.

Она закрыла инвентарную книгу, убрала ключ в карман и начала снимать ленты. Савер шагнул к ближайшей двери.

— Не прикасайтесь к кроватям, — предупредила она.
— Наша часть проверки окончена. Пусть маршрут покажет, способен ли завершиться без нового действия.

Но маршрут не завершился.

Тележка покатила к седьмой комнате. Меллу бросило следом. Она ухватилась за косяк обеими руками. Простыня обернулась вокруг её запястий. Ткань была обычной, но на призрачной коже проступили тёмные полосы.

Агна встала между тележкой и дверью.

Колёса ударили её по голениям.

— Опись закрыта, — сказала она дому. — Комнаты выведены из эксплуатации. Работа не принимается.

Тележка толкнула снова.

— Выгодополучатель отказывается от результата, — добавил Савер.

Шторы во всех семнадцати комнатах разом сорвались с колец.

Коридор наполнился хлопаньем ткани. Кувшины опрокинулись, вода потекла через пороги. Кровати заскрипели под невидимым весом. Дом не умел оставить работу незаконченной и пытался создать условия, в которых она снова станет необходимой.

— Он пачкает комнаты, — сказал Савер.

— Чтобы заставить их убрать.

Агна увидела, как вода приближается к ковру, и едва не бросилась за тряпками. Тело откликнулось раньше мысли: перекрыть, вытереть, распределить, спасти имущество. Так её учили. Так она сама учила работников артели — не проходить мимо беспорядка.

Она осталась на месте.

— Не убирать, — сказала себе вслух.

Мелла подняла голову.

— Слышите? Это относится и ко мне. Я тоже умею принимать беспорядок за приказ.

Вода дошла до ковра. На светлой шерсти расплылось тёмное пятно.

Ничего непоправимого не случилось.

Дом содрогнулся.

С потолка посыпалась известка. По стене за спиной Меллы побежала трещина — тонкая сначала, затем широкая, чёрная внутри. Она пересекла лепную розетку, обогнула зеркало и устремилась к полу, точно молния, нарисованная углём.

Савер поднял руки, готовясь к заклинанию.

— Только укрепить стену, — быстро сказал он. — Не трогать призрака.

— Укрепляйте.

Серый свет лёг на штукатурку сеткой. Трещина остановилась, но не закрылась.

Меллу всё ещё тянуло в седьмую комнату. Она держалась за косяк. Агна не могла вытащить её силой: живые пальцы проходили сквозь холодное плечо. Приказать дому отпустить значило снова признать за ним право решать. Оставался вопрос, на который никто здесь, вероятно, не отвечал сорок два года.

— Мелла Тес, — сказала Агна. — Вы хотите перестилать эту постель?

Простыня натянулась.

Губы Меллы шевельнулись. Первый звук оказался шорохом, похожим на щётку по ковру.

Дом ударил дверью, заглушая её.

— Я не расслышала. Имеете право повторить.

Мелла стиснула косяк. По её рукам прошли тёмные полосы. Она вдохнула — привычка тела, которого давно не было, — и повернула лицо не к Агне, не к Саверу, а к раскрытой комнате.

— Не надо.

Два слова прозвучали тихо.

И всё же дом их услышал.

Тележка остановилась. Простыня опала на пол. Семнадцать дверей замерли одновременно.

На одно короткое мгновение Тихий Порог сделался обычным запущенным особняком: мокрый ковёр, сорванные шторы, перья, разобранная кровать, известка под ногами. Никакой невидимой заботы. Никакого идеального порядка.

Мелла отпустила косяк.

А затем трещина в стене раскрылась ещё на палец.

Из неё дохнуло тёплым воздухом, пахнущим лавандой. В глубине что-то тяжело повернулось — не механизм, скорее память о механизме. По всем комнатам прошёл единый звук. ключ вставили в семнадцать замков разом.

Меллу снова дёрнуло вперёд.

Но теперь она не схватилась за косяк. Она шагнула назад, к Агне.

Дом не сумел заставить её переступить порог. Вместо этого он принялся работать сам. Простыни поползли по полу, подушки прыгнули на кровати, кувшины поднялись и поставили себя у изголовий. Движения были быстрыми, сердитыми и неточными. Восьмой кувшин разбился. Девятая простыня повисла на люстре.

— Значит, отказ не отменяет задачу, — сказал Савер.

— Но отделяет работницу от неё.

Агна раскрыла книгу и заполнила графу напротив имени Меллы.

«Слышит: да. Может отказаться: да, если получает внешний выбор и возможность удержать его. Желаемый исход: прекратить перестилание гостевых комнат. Подтвердить без присутствия собственника».

Она показала запись Мелле.

Призрак прочёл. Потом указал на последнюю фразу и покачал головой.

— Хотите подтвердить сейчас, при нём?

Мелла посмотрела на Савера. Тот стоял возле треснувшей стены, опустив руки. Серый свет на его пальцах погас.

— Я не стану вызывать вас, — сказал он. — И не назову отголоском.

Мелла долго смотрела ему в лицо. Затем коснулась строки одним пальцем. На бумаге осталось холодное пятно в форме овала.

Агна зачеркнула слова «без присутствия собственника» и написала: «подтверждено лично».

Мелла исчезла не так, как ночью. Её не втянуло в дверь, не размазало по зеркалу. Сначала стали прозрачными руки, потом платье и лицо. Последним растаял белый чепец. На полу остался бронзовый ключ, хотя секунду назад он лежал в кармане Агны.

Савер наклонился, но не поднял его.

— Буква «М», — сказал он. — Ключ от её маршрута?

— Возможно. Или от комнаты, или от обязанности. Пока не проверим, он останется запечатанным.

— Теперь вы признаете, что это область некромантии?

— Признаю, что мне понадобится ваша компетенция. После того как мы согласуем границы её применения.

Он кивнул.

Агна сняла со стены план коридора и перечеркнула красную линию после шестой комнаты. В остальных одиннадцати дом продолжал яростно перестилать постели сам. Это вы-

глядело менее жутко, чем принуждаемая женщина, и гораздо опаснее для мебели.

— Что теперь? — спросил Савер.

Из трещины посыпалась новая известка. На обоях проступили три чёрные буквы, выведенные внутренней сыростью. «ДОЛ».

Продолжение слова дом дописать не успел. Из дымохода в конце коридора вырвался клуб сажи. Он ударился о потолок, растёкся по штукатурке и собрался в неровную строку:

«ЖАЛОБА».

Ниже отпечаталась ладонь с шестью пальцами — один был следом старой травмы или ошибкой памяти.

Агна сверилась со списком.

— Орв Дай, трубочист.

В дымоходе трижды стукнули щёткой.

Савер посмотрел на мокрый ковёр, трещину и простыни, которые дом без всякой помощи затягивал в узлы.

— Нам нужен городской специалист.

— Омбудсмен по зависимому труду, — сказала Агна. — И вызвать его придётся вам. Официально, как собственнику и выгодополучателю.

— Вы не боитесь, что дом закроют?

Агна подняла ключ Меллы щипцами, завернула в чистую ткань и поставила на свёртке печать своей закрытой артели.

— Боюсь. Но страх за имущество не является согласием работника.

Она посмотрела на запись «не надо». Чернила не исчезли.

Впервые с момента приезда беспорядок в Тихом Пороге был не признаком небрежности, а доказательством того, что чьё-то слово наконец приняли всерьёз.

Глава 4. Жалоба из дымохода

Сажа не осыпалась.

Обычно она не умела держать форму. Агна знала это по десяткам домов: стоило провести ладонью возле плохо закрытой заслонки, и чёрный налёт уже плыл вниз, пачкая каминную полку, ковёр и того несчастного, кому поручили доказывать, что дымоход чистили в прошлом месяце. Но слово над камином стояло на штукатурке, словно его вывели густой типографской краской.

«ЖАЛОБА».

Под ним чернела ладонь с шестью пальцами.

— Не стирать, — сказала Агна.

Савер, уже потянувшийся к стене, остановился.

— Я хотел проверить, не закреплено ли слово заклинанием.

— Тогда сначала запишите, как именно собирались проверять. И что может случиться с тем, кто его оставил.

— Я не знаю, что может случиться.

— Прекрасное начало для записи.

Агна вырвала из инвентарной книги чистый лист, тут же поморщилась из-за собственной поспешности и аккуратно подрезала рваный край ножом. На листе она обозначила время, место, вид сообщения, три подтверждающих удара из трубы и присутствующих. Потом поднесла бумагу к камину.

— Орв Дай, если вы слышите: один удар означает «да», два — «нет». Вы хотите подать официальную жалобу городскому омбудсмену?

В дымоходе поскребло. Один удар прозвучал так глухо, будто щётка находилась этажом выше.

— Вы понимаете, что для проверки в дом придёт посторонний человек?

Один удар.

— Вы согласны, чтобы он увидел эту надпись?

Один.

Агна помедлила.

— Вы хотите, чтобы Савер Крон покинул коридор, пока мы фиксируем подробности?

На этот раз ответ пришёл не сразу. Сажа в отпечатке ладони дрогнула, шестой палец стал длиннее и рассыпался на конце. Затем труба стукнула дважды.

Савер шумно выдохнул, но промолчал.

— Записано. Это не означает согласия на все дальнейшие действия, — продолжила Агна. — Только на вызов и осмотр надписи. Если я поняла неправильно, три удара.

Тишина.

В конце коридора дом продолжал сердито перестилать постели. Одна подушка вылетела из комнаты, ударилась о стену и осталась лежать в луже. Агна заставила себя не поднимать её.

— Где вызывают омбудсмена? — спросил Савер.

— В городской палате труда.

— Я знаю, где он служит. Я спрашиваю, как вызвать его отсюда. Послать записку? Сигнальный огонь? Кость с печатью?

— Курьера.

— Обычного?

— Не разочаровывайтесь. Государственная процедура иногда обходится без костей.

Савер ушёл в кабинет писать заявление. Агна осталась у камина и поставила перед ним ширму из двух дверец, снятых с бельевого шкафа. Они не скрывали надпись, но не позволяли случайно задеть её плечом или тряпкой. К ширме она прикрепила табличку: «СВИДЕТЕЛЬСТВО. НЕ ЧИСТИТЬ».

Дом прочёл предупреждение по-своему.

Из стены выдвинулась щётка. Агна перехватила рукоять прежде, чем щетина коснулась первой буквы. Щётка рвалась вперёд с деловитым упорством, и ей пришлось упереться ногой в плинтус.

— Работа не заказывалась, — сказала она.

Щётка дёрнулась сильнее.

— Чистая стена не важнее жалобы.

За каминной решёткой раздался частый сухой кашель.

Агна отпустила рукоять не сразу. Она обернула её лентой, привязала к батарее и внесла в опись: «Дом предпринял попытку удалить сообщение после фиксации согласия заяви-

теля». Слова выглядели страшнее самой щётки. Возможно, потому что щётку можно было связать.

С курьером возникла первая трудность: Тихий Порог не хотел его впускать.

Юноша в зелёной городской куртке трижды поднимался на крыльцо и трижды оказывался у калитки, не помня, как прошёл обратно. На четвёртый раз Агна встретила его снаружи, взяла расписку на заявление и дождалась, пока он уберёт конверт в кожаную сумку.

— Ответ принесут к вечеру, — пообещал он, поглядывая на особняк. — Если дело срочное, дежурный явится сам.

— В заявлении указано, почему оно срочное.

— Там написано «посмертный зависимый труд». У нас отдельная очередь для мёртвых или общая?

— Узнайте у дежурного.

— Я потому и спрашиваю, что я дежурный курьер.

Агна дала ему ещё одну расписку — на вопрос, требующий официального ответа. Юноша посмотрел на бумагу с уважением человека, встретившего более опасную форму бюрократии, чем его собственная, и поспешил вниз по улице.

К вечеру ответа не было.

Зато дом начал топить камин.

Сначала дым потянулся из трубы в малой гостиной. Затем загудели каналы столовой, библиотеки и двух закрытых спален. Было начало лета, день стоял тёплый, огонь нигде не

требовался. Савер погасил первые три очага обычным песком, но через минуту поленья зажглись снова.

— Он очищает дымоходы тягой, — сказала Агна.

— Или пытается задушить нас.

— В описи пока запишем первый вариант. Второй потребует оснований.

Чёрные струйки уже ползли из щелей между кирпичами. Слово «ЖАЛОБА» побледнело по краям.

Агна закрыла заслонку. За ней немедленно застучала щётка.

— Орв, это вы?

Три удара.

Не ответ из установленного набора. Предупреждение.

— Отойдите от заслонки, если можете.

Металл выгнулся наружу. Савер поднял руку, и на его пальцах вспыхнул серый свет.

— Что именно вы собираетесь сделать?

— Погасить все очаги одним контуром.

— Контур затронет Орва?

— Если он находится внутри тяги, я не могу гарантировать обратное.

— Тогда нет.

— Агна, через две минуты здесь нечем будет дышать.

Она стащила с ближайшей кровати мокрую простыню — ту самую, которую дом пытался натянуть после отказа Меллы, — и прибила её поверх каминного проёма мебельными

гвоздями. Ткань вздулась от дыма. Вода зашипела, по белому полотну поползло чёрное пятно, но воздух в коридоре очистился.

— Окна, — распорядилась Агна. — Не магией. Руками. Савер распахнул первое. Она — второе. Третье дом захлопнул у неё перед носом. Агна вставила в раму бронзовый подсвечник и открыла снова.

Внизу хлопнула входная дверь.

— Городская палата труда! — донёсся мужской голос. — Прошу никого не перемещать, не изгонять и не воскрешать до окончания первичного осмотра!

— Мы на втором этаже! — крикнул Савер.

— Не кричите заявителю через дымоход, — сказала Агна.

— Это было омбудсмену.

— Дом разницы не знает.

Шаги на лестнице были быстрыми, но не бегущими. Человек, появившийся в западном коридоре, сначала оценил дым, затем выходы и только потом посмотрел на людей. Высокий, сухощавый, в тёмной служебной куртке, застёгнутой не на ту петлю у горла. На левом лацкане блестела медная печать палаты. Под мышкой он держал плоский чемодан, а в руке — смятый конверт Савера.

— Радан Орш, городской омбудсмен по зависимому труду. Кто собственник?

— Я, — сказал Савер.

— Кто управляющий объектом?

— Я, — сказала Агна. — По трёхмесячному договору. Полномочия по найму и быту, без права отчуждать имущество и проводить некромантические ритуалы.

Радан быстро взглянул на неё.

— Кто заявил о нарушении?

Из-за мокрой простыни раздался один удар.

— Орв Дай, умерший трубочист, — ответила Агна. — Личность установлена по книгам расходов и комплекту формы. Самостоятельность обращения подтверждена вопросами с предметно ограниченными ответами. Протокол здесь.

Она протянула лист.

Омбудсмен не взял его сразу.

— Вы прикасались к сообщению?

— Нет.

— Собственник?

— Нет, — сказал Савер.

— Ритуалы после появления жалобы проводились?

— Нет. Дом самостоятельно разжёл очаги. Савер предложил общий гасящий контур, я не разрешила из-за неизвестного воздействия на заявителя.

Теперь Радан взял протокол. Прочёл весь, включая примечание о щётке. Потом открыл чемодан прямо на полу. Внутри лежали катушки красной нити, мел, складная медная рамка и стопка бланков с такими узкими строками, будто город заранее считал любое показание чрезмерно многословным.

— До выяснения обстоятельств приостанавливаются все действия, способные удерживать умерших на объекте, — произнёс он. — Господин Крон, немедленно остановите ритуалы, питающие дом.

Савер побледнел.

— Какие именно?

— Все.

— Это не перечень.

— Некромантическая подпитка, вызовы, якорение, сохранение посмертных отпечатков.

— Вы перечислили четыре разных класса воздействий. Я не вызываю домашних работников. Но если снять охранный круг Тихого Порога, исчезнут слабые проявления.

— Исчезнет и принуждение.

— Вместе с теми, кто может на него пожаловаться, — сказала Агна.

Радан перевёл взгляд на неё. Глаза у него были серо-карие, усталые и внимательные; не тот взгляд, которым человек отмечает помеху. Скорее взгляд мастера, обнаружившего в чужом инструменте незнакомую насечку.

— Управляющая Вейр, я отвечаю за немедленное прекращение зависимого труда.

— А я отвечаю за то, чтобы вы не вымыли свидетелей из дома вместе с дымом.

— У вас есть доказательство, что охранный круг поддерживает их существование?

— У вас есть доказательство обратного?

— Бремя доказывания не на проверяющем, когда нарушение продолжается.

— А цена вашей ошибки не на вас.

Между ними с треском лопнула привязанная щётка. Половина рукояти ударила по ширме, дверца шкафа упала, и мокрая простыня оторвалась от двух гвоздей. На штукатурке слово «ЖАЛОБА» стало почти серым.

Радан мгновенно опустился на колено, разложил медную рамку и, не касаясь стены, навёл её на буквы.

— Орв Дай, слышите меня? — спросил он.

В трубе раздался один удар.

— Я представляю городскую палату труда. Вы просите прекратить работу?

Тишина длилась так долго, что Савер перестал дышать.

Два удара.

Радан нахмурился.

— Вы не просите прекратить работу?

Один удар.

— Это противоречие, — сказал он.

— Нет, — возразила Агна. — Ваши вопросы не различают работу, маршрут и существование. Спросите точнее.

— Я умею принимать жалобы.

— От живых работников.

Он поднял голову. Медная рамка в его руке потемнела от сажи, хотя не касалась стены.

— Хорошо. Предложите формулировку.

Уступка прозвучала без любезности, но и без обиды. Агна отметила это мысленно.

— Орв, вы хотите перестать чистить дымоходы по нынешнему маршруту?

Один удар.

— Вы хотите немедленно покинуть Тихий Порог, даже если не будет подготовлен другой якорь?

Два.

— Вы опасаетесь исчезнуть при остановке охранных ритуалов?

Один.

Сажа на отпечатке ладони собралась плотнее. Шестой палец отделился от остальных и превратился в короткую чёрную черту, указывающую вниз, к очагу.

Радан медленно закрыл бланк, который успел достать.

— Почему вы спросили про якорь?

— Потому что ключ Меллы отделился от неё после отказа от маршрута. Потому что дом связывает обязанности с комнатами и предметами. И потому что исчезновение — не то же самое, что освобождение.

— Где ключ?

— Запечатан. Осмотр возможен после отдельного согласия Меллы.

— Вы уже установили контакт с другим умершим работником?

— Мы установили больше. Мы получили отказ.

Агна передала ему записи утреннего опыта. Радан читал стоя. Дойдя до фразы Меллы «не надо», он вернулся на страницу назад, затем ещё на одну. В доме грохнула дверь, но он не вздрогнул.

— Вы использовали собственный башмак как средство волеизъявления?

— Он не входил в домашний маршрут.

— В протоколе палаты нет графы для башмака.

— Значит, форма отстаёт от заявителя.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Это случается чаще, чем палата признаёт.

Савер посмотрел с одного на другого.

— Так мы не снимаем круг?

— Мы не можем оставить действующее принуждение, — сказал Радан.

— И не можем лишить заявителей опоры, — ответила Агна.

— Поэтому сначала отделим одно от другого.

Он произнёс это так, будто решение всё время было очевидным и спор требовался лишь для его правильной записи. Агна не позволила себе раздражаться. Важнее было то, что он изменил решение при новых данных.

— Как? — спросил Савер.

Радан провёл красную нить от камина до ближайшей дверной ручки и закрепил городской печатью.

— Полный бытовой цикл под наблюдением. Ни одного нового приказа дому. Ни одного вызова умерших. Поддерживающие контуры остаются в нынешнем состоянии, но господин Крон описывает их без активации. Управляющая фиксирует все действия дома как производственные операции. Я опрашиваю каждого, кто способен ответить способом, который дом не может легко подделать.

— Один цикл Меллы длится больше двенадцати часов, — сказала Агна.

— Значит, проверка займёт больше двенадцати часов.

— Дом уже меняет поведение из-за наблюдения.

— Тогда наблюдение началось до моего приезда. Включим ваши записи.

— Вы собираетесь остаться на ночь? — спросил Савер.

— Если собственник предоставит помещение, не обслуживаемое умершими.

Агна и Савер одновременно посмотрели на коридор с семнадцатью гостевыми комнатами. Из одиннадцатой выплыла простыня, свернулась в воздухе и с раздражением шлёпнулась на матрас.

— Таких помещений пока не установлено, — сказала Агна.

— Тогда стул у входа.

— Стулья тоже перемещаются.

— Пол?

— Не поручусь.

Радан впервые улыбнулся открыто. Улыбка была короткой и совершенно не служебной.

— Хорошо. Начнём с инвентаризации места, где проверяющий может безопасно снять сапоги.

Из дымохода донёсся скрежет. На стене ниже слова «ЖА-ЛЮБА» появилась новая строка. Орв писал медленно, словно продавливал каждую букву щёткой через толщу кирпича.

«НЕ ГАСИТЬ».

Потом ещё одна:

«НАС».

Последняя буква получилась неровной. Сажа осыпалась с её края, и Агна подставила лист, не давая крупичкам смешаться с мусором на полу.

Радан снял медную печать с лацкана и прижал её не к стене, а к воску на красной нити.

— Распоряжение об остановке всех ритуалов временно отозвано, — сказал он. — Основание: непосредственное возражение заявителя и риск утраты свидетелей. До окончания наблюдения запрещены новые воздействия и изменение существующих контуров.

— Запишите также, что собственник предупредил о риске, — сказала Агна.

Савер удивлённо повернулся к ней.

— Это существенно, — пояснила она. — Правильное предупреждение не перестаёт быть правильным из-за того, кто его сделал.

Радан вписал строку в бланк и протянул Саверу для подписи.

Дом ударил всеми дверьми западного коридора. Из трещины потянуло лавандой. Где-то в глубине снова повернулись семнадцать воображаемых ключей.

— Он возражает? — спросил Радан.

— Он завершает задачу, — сказала Агна. — Или пытается заставить нас начать новую.

Она подошла к мокрой подушке, но не подняла её. Вместо этого обвела мелом место на ковре и присвоила беспорядку номер.

— С этого момента ничего не исправляем только потому, что оно выглядит неправильно. Сначала выясняем, кто выполняет действие, по чьему признанию оно стало обязанностью и может ли исполнитель отказаться.

— Три вопроса, — сказал Радан.

— Для начала.

— Я добавлю четвёртый: что случится с исполнителем после отказа.

Агна посмотрела на него внимательнее. Он уже расстёгивал чемодан шире, раскладывая бланки на сухом участке пола. Не извинился за опасное распоряжение. Не пытался представить его проверкой или уловкой. Просто отозвал, записал основание и изменил процедуру.

Этого было недостаточно для доверия.

Но достаточно, чтобы работать рядом одну ночь.

— И пятый, — сказала она. — Кто получал пользу, пока никто не задавал первые четыре.

Савер взял перо.

В трубе один раз стукнула щётка.

Агна внесла в опись первое официально признанное действие Орва Дая, которое не было чисткой дымохода: подача жалобы, уточнение требования, участие в выборе безопасной процедуры.

В графе «оплата» она оставила пустое место.

Пустота теперь означала не отсутствие долга, а его точный размер, который им ещё предстояло узнать.

Глава 5. Проверка без изгнания

Первым безопасным местом для омбудсмена оказался коврик перед входной дверью.

Дом не считал его частью обстановки. Коврик привезли из городской палаты вместе с Раданом: бурый, жёсткий, с вытканым по краю предупреждением «Посетитель отвечает за принесённую грязь». Агна проверила его щёткой, мелом и прямым вопросом в пустой холл. Щётка осталась лежать поперёк ворса, меловая черта не исчезла, двери не хлопнули.

— Можете снять сапоги, — разрешила она.

— Благодарю за гостеприимство.

— Благодарите палату. Коврик её.

Радан сел на чемодан, стянул сапоги и поставил их строго внутри медной рамки. Под ними обнаружились разные носки: один серый, другой тёмно-зелёный.

Агна сделала вид, что не заметила. Савер — что заметил слишком поздно, чтобы позволить себе улыбку.

— До рассвета нам нужен не рассказ о доме, а наблюдаемая последовательность, — сказал Радан. — Кто, где, каким предметом и по чьему распоряжению выполняет действие.

— И может ли не выполнить, — добавила Агна.

— Это уже проверка свободы.

— Нет. Это проверка качества вашей последовательности. Без возможности отказа вы описываете механизм, а не ра-

ботника.

Радан помолчал и вписал шестой столбец в бланк.

Они устроили наблюдательный пост в холле. Савер принёс три лампы, но Агна оставила одну: две другие дом немедленно попытался расставить симметрично по консолям. На полу протянули нити к кухне, западному коридору, библиотеке и лестнице в подвал. К каждой привязали по маленькому колокольчику. Это были не ловушки и не магические контуры — только способ заметить движение воздуха и предметов.

— Ничего не останавливаем, — повторил Радан. — Ничего не приказываем. Задаём вопросы лишь после завершения действия.

— Кроме действий, опасных для исполнителя, — сказала Агна.

— Умершего исполнителя.

— Опасность не становится приличнее после смерти.

Савер поставил на стол чайник.

— Его можно заварить?

Агна посмотрела на чайник. Крышка дрогнула, будто тот ждал команды.

— Вручную и только на три чашки.

Савер налил воду. Из буфета сама собой выехала четвёртая чашка, затем пятая. Агна подняла ладонь, не касаясь посуды. Чашки остановились. Из кухни донёсся тихий звон, и к ним поплыли ещё четыре.

— Девять, — записал Радан.

— Столько подавали при Леванте по четвергам, — сказал Савер. — Кажется.

— Сегодня вторник, — заметила Агна.

— Дом плохо пережил календарную реформу.

Чашки выстроились вокруг пустого стола. Девятая повернулась ручкой к креслу во главе, хотя кресло Агна днём перенесла к стене. Само кресло дёрнулось и поползло обратно.

— Действие первое, — сказала она. — Сервировка на девять мест. Комната — столовая. Предметы — сервиз с синей каймой и хозяйское кресло. Исполнитель пока не установлен.

— Основание обязанности? — спросил Радан.

— Неизвестно.

Савер поднял чашку, предназначенную для него. Из воздуха выступила полупрозрачная рука в закатанном рукаве и отняла её. Чашка вернулась на блюдце.

— Эдна? — осторожно спросил Савер.

Рука исчезла. Через секунду чашка снова оказалась перед ним, но рядом легла ложка — поперёк блюдца, как запрещающий знак.

Агна отметила это отдельно.

— Самостоятельный ответ после завершённого действия. Вероятный исполнитель — Эдна Лиор.

— Почему самостоятельный? — спросил Радан.

— Потому что сервировка соблюдает старый порядок, а ложка ему противоречит. При Леванте поперёк блюдца кла-

ли прибор только при треснувшей чашке. Эта цела.

— Вы уверены?

— Я прочла книгу хозяйственных знаков.

— У дома есть книга хозяйственных знаков?

— У хорошего дома есть. У этого — три, и они спорят между собой.

Радан осмотрел чашку через медную рамку. На фарфоре проступил слабый след большого пальца.

— Госпожа Лиор, ложка означает, что вы не хотите подавать чай владельцу?

Ложка осталась неподвижной.

— Вопрос требует действия, которое может быть частью сервировки, — сказала Агна. — Ответ сольётся с маршрутом.

Она вынула из кармана пуговицу от своей дорожной куртки и положила рядом с блюдцем.

— Эдна, если ложку положили вы по собственной воле, сдвиньте пуговицу. Она не принадлежит дому и не имеет отношения к чаепитию.

Пуговица прыгнула в чашку Савера.

Некромант заглянул в чай.

— Полагаю, пить мне не советуют.

Из кухни донёсся отчётливый стук ножа по доске.

— Или советуют не жаловаться, — сказал Радан.

В течение следующего часа дом показал им двадцать три действия. В половине шестого невидимые руки закрыли

ставни восточных комнат. В сорок минут шестого по коридору прошла щётка Орва, хотя ни один очаг не топили. В без десяти шесть бельё из корзины поднялось на второй этаж, разделилось по комнатам и попыталось лечь на уже застеленные кровати. Ровно в шесть из кабинета Савера выплыли семь книг и построились по росту на полу библиотеки.

Агна записывала действие. Радан — юридическое значение. Савер рисовал рядом схему магических потоков и всё чаще стирал собственные линии.

— Потока нет, — признал он после книжного шествия. — По крайней мере, вызовного. Книги движутся на остаточной памяти дома.

— Память не поднимает переплёт весом в три фунта, — сказал Радан.

— В обычном доме — нет. Тихий Порог хранит повтор не как образ, а как право совершить движение.

— Кто дал право?

Савер посмотрел на закрытый портрет бабушки.

— Вероятно, прежняя хозяйка.

На слове «хозяйка» все семь книг одновременно раскрылись. Страницы зашелестели и остановились на одинаковом номере — тысяча.

Тишина сделалась плотнее.

Радан первым подошёл к ближайшему тому.

— В нём тысяча страниц?

— В этом — четыреста, — ответил Савер.

На раскрытом развороте стояло напечатанное «214». Над цифрами проступала бледная рукописная единица, превращая их в «1214».

В других книгах настоящие номера тоже были разными. Дом добавил к каждому число, которого хотел.

— Он слышал нас, — сказал Радан.

— Он слышит слова, связанные с его устройством, — поправила Агна. — Это ещё не значит, что он понимает вопрос.

Она принесла мнемонический счётчик из кладовой. За вечер строка «траурное» сменила 998 на 999, хотя никто не отдавал нового распоряжения.

— Что именно считается? — спросил Радан.

— Завершённый цикл признанной работы, — предположила Агна. — Но признание должно исходить не от исполнителя. Мелла отказалась, а счёт продолжился, когда постель застелил дом.

— Значит, выгодополучатель.

— Или тот, кого дом признаёт распорядителем.

Савер неловко отступил от счётчика.

— Я ни разу не приказывал устраивать траурное обслуживание.

— Вы пользовались результатом, — сказал Радан.

— Не зная, что это результат труда личности.

— Незнание влияет на вину, но не отменяет выгоду.

Агна закрыла счётчик ладонью.

— Мы обещали наблюдать, а не устраивать суд между дву-

мя действиями. Сначала установим, что дом называет признанием.

Они нашли ответ в кладовой ключей.

Сорок семь связок висели на крюках, и каждая отбрасывала собственную тень, хотя лампа стояла одна. Агна принесла опись прежней хозяйки. В ней помещения делились не по этажам, а по обязанностям: гостевые покои, пища, огонь, бельё, тишина, скорбь. Возле каждой обязанности стоял знак ключа и короткая запись теми же чернилами: «принято».

— Кем принято? — спросил Радан.

Савер провёл пальцем над строкой, не касаясь бумаги.

— Бабушкой. Это её рука.

— А подписи работников?

— Их нет.

— Тогда признана не обязанность работника. Признано распоряжение хозяйки.

На крюке звякнул ключ от дымовых заслонок. Из стены ответила щётка Орва.

Агна сопоставила номера. Ключ заслонок висел под знаком огня. В расходной книге Орв числился трубочистом. В описи Леванты напротив огня стояло «принято», а в мнемоническом счётчике — 4138 завершённых циклов.

— Комната, ключ, признанная обязанность, — перечислила Агна. — И повтор.

— Почему тысяча? — спросил Радан.

Словно в ответ, из западного коридора раздался треск.

Строка «траурное» достигла тысячи.

Дом вздохнул всеми трубами сразу.

Из шкафа вылетела чёрная лента, обвилась вокруг ручки запертой гостевой комнаты и затянулась узлом. За дверью слышались шаги: семь вперёд, поворот, семь назад. Раньше комната молчала.

— Никому не входить, — сказала Агна.

— Там появился новый исполнитель, — возразил Радан.

— Там появился новый маршрут. Исполнитель не доказан.

Шаги повторились. Семь вперёд, поворот, семь назад. На третьем круге под дверью возник холодный след босой ступни.

Савер побледнел.

— Это комната моей тёти. Она умерла ребёнком.

Радан сразу убрал руку от дверной ручки.

— Тогда никаких вопросов без отдельной процедуры и представителя интересов несовершеннолетней.

— Она умерла шестьдесят лет назад.

— Возраст на момент смерти не становится старше от хранения отпечатка.

Агна опустилась у порога, не переходя чёрную ленту. В замочной скважине уже находился ключ — маленький, серебряный. В описи напротив «траурного» стояла комната, знак этого ключа и тысяча незаполненных делений. Последнее теперь потемнело.

— Дом закрепил маршрут у нас на глазах, — сказала она.
— Не после смерти вашей тёти. Сейчас. Тысячное повторение завершил сам дом, но в комнате проявился связанный с обязанностью отпечаток.

— Значит, повтор может копиться без призрака, — сказал Радан.

— А при достижении порога дом ищет подходящую память и назначает её исполнителем.

Савер прижал ладонь ко рту.

— Я думал, траурное — это проветривание и чехлы.

— Что вы делали после каждого цикла? — спросила Агна.

— Подписывал месячный лист. Бабушка требовала, чтобы хозяйство продолжалось по форме.

— Писали «принято»?

— Да.

Радан закрыл глаза на одно короткое мгновение.

— Значит, последние признания ваши.

Шаги за дверью ускорились.

Савер потянулся к серебряному ключу.

— Я должен это прекратить.

Агна перехватила его запястье.

— Не ключом. Мы не знаем цену разрыва.

— Там моя тётя.

— Поэтому тем более не наугад.

Радан уже развернул чистый бланк.

— Можно отозвать признание без изменения маршрута?

— Проверим на действии, где нет личности, — сказала Агна.

Они выбрали ставни пустой восточной комнаты. Цикл повторялся 1732 раза, ключ был на месте, запись Леванты и ежемесячные подписи Савера — тоже. Ни холодного следа, ни имени работника в счетах не обнаружили.

Савер написал: «Результат закрытия ставен более не принимаю как исполнение обязанности». Радан засвидетельствовал подпись. Агна положила лист поверх старой описи.

В половине седьмого ставни начали закрываться. Левая створка дошла до середины и остановилась. Правая стукнула один раз, будто наткнулась на невидимую ладонь. Затем обе медленно раскрылись.

Ключ на крюке остался неподвижен. Комната не изменилась. Никакой памяти дом не отдал.

— Признание можно отозвать, — сказал Радан.

— Для будущего цикла, — уточнила Агна. — Закреплённый маршрут не исчез, но не получил завершения.

— А если признать отказ?

— Тогда мы снова используем слово, смысл которого дом выбирает за нас.

Радан зачеркнул приготовленную формулировку и написал другую: «Действие не является обязанностью какого-либо лица без его отдельного согласия».

Ставни дрогнули. Не закрылись.

Из дальнего коридора донёсся женский смех — короткий,

удивлённый. Не Меллы: голос был выше.

За дверью траурной комнаты шаги стали медленнее.

Савер подписал такую же формулировку для «траурного». Серебряный ключ нагрелся, но не вышел из скважины. Чёрная лента ослабла. Холодная ступня под дверью исчезла, а через несколько секунд по полу выкатилась стеклянная бусина.

— Это была её, — прошептал Савер. — На праздничном платье.

Агна не позволила ему подобрать бусину.

— Сначала спросим, выбрала ли она её сама.

Они положили рядом пуговицу Агны. На один удар — бусина, на два — пуговица. Радан объяснил вопрос трижды, меняя порядок слов. Во всех трёх случаях бусина качнулась один раз.

— Вы хотите, чтобы бусина стала вашим якорем вне комнаты? — спросил он.

Бусина не шелохнулась.

— Вы хотите, чтобы её пока оставили здесь, у порога?

Один поворот.

Они накрыли её прозрачным колпаком и опечатали не как улику, а как предмет под временной защитой. Радан отдельно вписал: «Распоряжение владельца не заменяет согласия связанного лица».

К рассвету в их таблице было шестьдесят восемь действий, одиннадцать вероятных исполнителей и только три

подтверждённых самостоятельных ответа. Орв отказался чистить западную трубу, но согласился предупредить о саже. Мелла не тронула бельё, зато трижды передвинула чужую пуговицу. Эдна позволила чайнику остыть и вытолкнула из кухни счёт за корлицу сорокалетней давности.

Самым важным оказался пустой столбец.

В нём Радан отмечал действия, которые дом совершал сам. Их было тридцать два — почти половина. Дом закрывал окна, таскал поленья, поправлял ковры и раскладывал письма, когда призраки отказывались. Значит, исправный быт никогда не доказывал согласия работников. Он доказывал лишь упорство маршрута.

Утро застало их в столовой. Девять чашек всё ещё окружали стол, но ни одна не была наполнена. Агна подвела черту под последней строкой.

— Первое правило, — сказала она. — Дом закрепляет действие после тысячи завершённых повторений, если действие связано с комнатой, ключом и признанной обязанностью.

— Признание может исходить от распорядителя или выгодополучателя, — добавил Радан. — Согласие исполнителя для закрепления не требуется. Именно поэтому маршрут способен принуждать.

— Отзыв признания останавливает зачёт новых завершений, но не разрывает уже созданную связь.

— Отказ призрака не останавливает дом. Дом либо ищет

замену, либо действует сам.

Савер смотрел на девятую чашку.

— И может назначить исполнителем чью-то память.

— Если она связана с комнатой и предметом, — сказала Агна. — Пока это рабочая гипотеза. Одного случая недостаточно для правила.

Радан повернул к ней свой бланк.

— Вы всё время отказываетесь называть выводом то, что ещё можно проверить.

— Поэтому меня нанимают исправлять дома, а не утешать владельцев.

— Палате пригодился бы такой недостаток.

Он сказал это устало, без заигрывания. Агна всё равно почувствовала, как внутри сдвинулось что-то маленькое и неудобное, словно дом попытался переставить предмет без её разрешения.

Она вернула бланк.

— Палата не умеет вовремя платить подрядчикам.

— Справедливое замечание.

— И ваши строки слишком узкие.

— Это уже личное оскорбление.

Уголок его рта поднялся. На этот раз Агна позволила себе ответить такой же короткой улыбкой.

Потом из кухни донёсся грохот.

Они нашли Савера перед раскрытым шкафом. Он хотел приготовить завтрак самостоятельно и обнаружил, что не

знает, где лежит мука. Эдна стояла по другую сторону рабочего стола: полупрозрачная женщина с широкими плечами, закатанными рукавами и выражением человека, чью кухню доверили гостю с опасными убеждениями.

Она держала деревянную ложку, но не двигалась.

Савер тоже не двигался.

— Я не просил её приходить, — сказал он.

— А она, возможно, пришла не к вам, — ответила Агна.

Эдна подняла ложку и указала на лист с отозванным признанием. Потом — на плиту. Потом — на себя.

Радан достал чистый бланк.

— Полагаю, у нас следующий вопрос.

— Нет, — сказала Агна. — Сначала завтрак. Но теперь мы выясним, кто хочет его приготовить, на каких условиях и кто после этого вымоет посуду.

Дом открыл шкаф с мукой.

Эдна захлопнула его обратно.

Впервые за ночь Тихий Порог не получил последнего слова.

Глава 6. Некромант в собственной кухне

Эдна не позволила дому открыть шкаф с мукой.

Каждый раз, когда дверца отходила на палец, повариха поднимала деревянную ложку. Дверца захлопывалась. Дом пробовал снова — сначала осторожно, потом с оскорблённым скрипом петель. На четвёртой попытке из шкафа донёсся глухой удар, словно мешок внутри решил броситься на свободу самостоятельно.

— Если он просыплет муку, я внесу уборку в отдельную работу, — сказала Агна.

Шкаф замер.

— Он вас понимает? — спросил Радан.

— Он понимает последствия.

Агна положила на стол три карточки. На первой нарисовала чашку, на второй — перечёркнутую чашку, на третьей — пустой круг. Потом повернула их к Эдне.

— Чай, отказ или другой ответ. Выберите сами.

Полупрозрачная ложка зависла над карточками. Эдна ткнула в пустой круг, затем указала на Савера, на печь и на себя.

— Она хочет готовить, — быстро сказал Савер.

Ложка ударила его по костяшкам.

— Она хочет, чтобы вы не отвечали за неё, — поправила Агна.

Радан записал это на чистом бланке. Почерк у него остался ровным даже после бессонной ночи, и Агна невольно уважала такую бесполезную, но впечатляющую способность.

Савер потёр руку.

— Я всего лишь истолковал жест.

— Истолкование без возможности возразить очень похоже на распоряжение, — сказал Радан.

— Она только что возразила ложкой.

— Не всякому доступна ложка.

Эдна одобритительно постучала ею по столу.

Добровольный завтрак оказался сложнее ночной проверки. Ночью они хотя бы знали, что наблюдают готовые маршруты. Утром требовалось совершить новые действия так, чтобы дом не присвоил ни просьбу, ни отказ, ни случайное движение.

Агна разделила кухню мелом на четыре участка. В первом находились продукты, которые мог брать любой живой. Во втором — посуда, оставленная для добровольного выбора Эдны. Третий отвели для предметов-наблюдателей: бусины, пуговицы, обломки угля, колпак над стеклянной бусиной из траурной комнаты. Четвёртый, у двери, оставался пустым.

— Зачем пустое место? — спросил Савер.

— Чтобы можно было уйти, не объясняя почему.

— Из кухни?

— Из разговора.

Радан поднял взгляд от бланка.

— Это стоит внести в порядок опроса.

— Сначала проверим, работает ли.

Эдна уже проверяла. Она перешла в пустой участок и исчезла.

Савер побледнел.

— Вы её выгнали.

— Нет. Она вышла.

— Откуда вы знаете разницу?

— Потому что дверь открылась перед ней, а не захлопнулась за ней.

Он посмотрел на дверь так, будто впервые увидел в ней не часть стены, а чью-то возможность. Потом перевёл взгляд на плиту. Чугунная заслонка сама поднялась, поленья зашевелились в корзине.

— Не надо, — сказал Савер.

Поленья продолжили движение.

Он произнёс запрет громче. Одно полено выпало на пол и поползло к топке. Агна наступила на него каблуком.

— Дом слышит, — сказала она. — Но не считает ваш отказ достаточным.

— Я владелец.

— Именно поэтому ваши прежние «принято» были достаточными для закрепления. Отказ владельца останавливает новый зачёт, но старое назначение остаётся. Мы устано-

вили это ночью.

— Тогда я прикажу ему отменить назначение.

— Приказом отменить действие, созданное приказом? —

Радан отложил перо. — Попробовать можно. Но сначала назовите цену ошибки.

Савер не ответил.

Полено дёрнулось под подошвой Агны. Она прижала сильнее.

— Что вы обычно делаете, когда мёртвый не слушается?

— спросила она.

— Я не формулировал бы так.

— Поэтому и спрашиваю я.

— Усиливаю слышимость. Проверяю якорь. Уточняю границу вызова.

— Здесь.

— Здесь это невозможно.

Слово прозвучало тише скрипа шкафа, однако кухня словно ждала именно его. Заслонка печи опустилась. Полено перестало рваться из-под каблука.

Радан медленно подвинул к Саверу бланк.

— Запишите.

— Это не признание нарушения.

— Пока нет. Это граница вашей компетенции.

Савер взял перо. Чернила легли неровно: «В помещениях вне ритуальной комнаты я не способен непосредственно слышать связанного умершего».

Агна перечитала строку.

— А видеть?

— Только проявление, доступное остальным.

— Отличать волю призрака от движения маршрута?

— По косвенным признакам.

— Каким?

Савер посмотрел на ложку, оставленную Эдной, на закрытый шкаф, на полено под ногой Агны.

— До вчерашней ночи я считал, что согласованность действий и есть главный признак.

— Исправность, — сказала Агна.

— Да.

— Вы принимали исправность за согласие.

Он записал и это.

Дом открыл ящик с ножами.

Все ножи одновременно повернулись рукоятями к Саверу. Радан встал, но Агна подняла ладонь. Лезвия лежали спокойно. Дом не угрожал — предлагал привычный набор хозяину, который решил завтракать.

— Возьмите один сами, — сказала она.

Савер подошёл к ящику. Стоило протянуть руку, как крайний нож выдвинулся навстречу. Савер отдернул пальцы.

— Сам, — повторила Агна. — До конца.

Он задвинул предложенный нож обратно, выбрал другой и вынул его. Ящик попытался закрыться за ним. Савер удержал ящик ладонью, затем закрыл собственным движением.

— Поздравляю, — сказал Радан. — Вы освоили кухню.

— Я провёл девять лет в университете.

— Здесь это заметно.

Агна кашлянула, скрывая улыбку. Между мужчинами не было дружбы, зато уже намечалось ремесленное взаимопонимание: каждый считал другого опасным именно там, где тот был уверен в своей квалификации.

— Что вы собирались приготовить? — спросила она.

Савер оглядел муку, яйца, масло и сушёные яблоки.

— Оладьи.

— Умееете?

— Наблюдал неоднократно.

— За кем?

Он не ответил.

Агна вынула из кармана материнскую инвентарную книгу и раскрыла чистую страницу.

— Назовите последнее утро, когда вы готовили сами.

— В семнадцать лет. Кажется.

— До смерти Леванты?

— За год.

— Кто готовил после?

— Дом.

— Имя.

Савер посмотрел в сторону пустого участка.

— Я не знал, что нужно имя.

За стеной трижды звякнула посуда.

Агна записала: «Савер не назначал исполнителя после смерти прежней хозяйки». Ниже добавила вопрос: «Кто продолжил признание обязанности?»

— Покажите мне ваши первые ритуальные журналы после вступления во владение.

— Они в башне.

— А до башни объясните, как вы вступили во владение домом.

Савер сел на край лавки. Без длинного сюртука и ритуальных перчаток он выглядел не хозяином готического особняка, а человеком, которого застали в незнакомом трактире до открытия кухни.

— Нотариус передал ключи. Я подписал опись. На следующий день провёл общий обряд присутствия, чтобы выяснить, осталась ли Леванта.

— Осталась?

— Нет. Я не услышал её.

— Кого слышали?

— Никого.

— В ритуальной комнате?

— Да.

Радан нахмурился.

— И после этого вы решили, что умерших в доме нет?

— Я решил, что нет вызванных сущностей. Это точная формулировка.

— Точная формулировка, позволившая сорок два года не

задавать неточный, но полезный вопрос, — заметила Агна.

Савер принял укол без возражения.

— Дом был запущен, — продолжил он. — Через три дня он начал восстанавливаться. Сажа исчезла из труб. Постели проветрились. В кладовой появились списки недостающего. Я предположил, что Леванта связала с особняком обслуживающие чары.

— Вы проверили природу чар?

— Проверил контуры. Они не были некромантическими в принятом смысле. Ни круга вызова, ни удерживающей печати, ни имени в основании.

Агна закрыла книгу.

— Потому что основанием было не имя. Обязанность.

Савер уставился на неё.

Радан первым понял следствие.

— Ваши приборы искали мёртвого, связанного ритуалом. Дом связывал повторяемое действие.

— Дом не умеет удерживать душу без якоря.

— Он и не удерживал душу целиком, — сказала Агна.

— Он удерживал дорогу от комнаты к вещи. Если человек при жизни прошёл её достаточно раз, после смерти дорога продолжала находить то, что от него осталось.

Савер резко поднялся.

— Это предположение.

— Да. Поэтому мы его проверим.

— Сейчас.

— После завтрака.

— Агна, если дом способен сам захватывать посмертный след...

— То он делал это сорок два года и переживёт ещё двадцать минут без вашего героического вмешательства.

— Моя тётя едва не получила новый маршрут этой ночью.

— Именно поэтому вы не пойдёте к главному ключу голодным, виноватым и уверенным, что обязаны исправить всё одним движением.

Радан встал рядом с дверью, не перекрывая её.

— Госпожа Вейр права. Любое воздействие останется под временным запретом до описания риска.

— В моём доме.

— Особенно в вашем доме.

Несколько секунд Савер выглядел так, будто собирался приказать обоим уйти. Потом увидел пустой участок у двери. Агна заметила момент, когда он понял: возможность уйти должна принадлежать и ему.

Он не ушёл.

— Хорошо, — сказал Савер. — Что нужно делать?

Агна подвинула к нему миску.

— Спросить, прежде чем брать чужой труд. И быть готовым услышать отказ.

Он повернулся к пустой части кухни.

— Эдна Лиор, — произнёс он. — Я хочу приготовить завтрак. Если вы желаете участвовать, покажите, что именно

готовы сделать. Если нет — я не стану считать молчание согласием.

Дом распахнул шкаф.

Савер вздрогнул, но Агна удержала его взглядом. Они ждали.

Шкаф закрылся.

Из коридора появилась Эдна. Она остановилась у меловой черты, указала ложкой на себя, потом на печь. После этого ткнула в Савера, в миску и в венчик.

— Она берёт огонь, — сказал Савер. — Мне остаются тесто и посуда.

Ложка не ударила его. Эдна один раз постучала по плите.

— Вероятное подтверждение, — уточнила Агна. — Переспросите.

Со второго раза ответ не изменился.

Они записали временное соглашение: Эдна добровольно разжигает и поддерживает огонь только для этого завтрака; Савер готовит тесто, печёт и моет использованную посуду; любое прекращение действия означает остановку, а не разрешение дому назначить замену.

Радан зачитал текст вслух. Эдна коснулась ложкой печи. Савер подписал. Агна положила лист на край стола, не под старую опись, а отдельно.

Огонь вспыхнул лишь после этого.

Савер разбил первое яйцо на пол.

Дом немедленно потянулся за тряпкой. Агна поймала её

в воздухе.

— Ваше, — сказала она Саверу.

Он молча вытер пол. Второе яйцо попало в миску вместе со скорлупой. Третье удалось. Тесто получилось с комками, первый оладушек сгорел, второй порвался, третий оказался похож на карту страны, которая проиграла слишком много войн.

Эдна смотрела на него с суровым удовлетворением.

На четвёртом она стукнула ложкой один раз, когда следовало переворачивать. На пятом — дважды, предупреждая, что рано. Она не брала сковороду и не исправляла тесто. Савер начал различать подсказку и исполнение.

Когда тарелка наполнилась, он поставил перед Эдной пустое блюдо.

— Это не плата, — сказал он. — Я понимаю, что вы не можете есть. Просто место за столом, если захотите.

Эдна перевернула блюдо вверх дном.

Савер опустил глаза.

Потом повариха подвинула его к девятой чашке.

— Не одна, — поняла Агна.

Эдна указала на двери кухни, затем обвела ложкой стол.

— Она не хочет отдельного приглашения, пока остальные остаются на маршрутах, — сказал Радан.

Повариха постучала один раз.

На этот раз никто не назвал ответ окончательным.

Они ели неровные оладьи у остывающей плиты. Эдна не

исчезла, но и не обслуживала их. Она стояла у собственного рабочего стола, опираясь ладонями на доску, и наблюдала, как Савер отскребает тесто от миски.

— Я действительно не вызывал их, — сказал он наконец. — Ни Меллу, ни Орва, ни Эдну. Фера тоже. Я считал, что дом сохраняет навыки. Не людей.

— А когда увидели людей? — спросил Радан.

— Я видел проявления. Но проявление не всегда личность. В некромантии остаются жесты, голоса, даже ответы, которые принадлежат распаду памяти, а не воле.

— Удобное сомнение, — сказала Агна.

— Не только удобное. Иногда милосердное. Если принимать каждый отзвук за целого человека, можно обречь живых на бесконечную верность обрывку.

Агна подумала о матери, чью инвентарную книгу носила в кармане, и не стала спорить с этой частью.

— Но вы выбрали сомнение только в одну сторону, — сказала она. — Если отзвук работал, вы считали его чарами. Если пытался остановиться — неисправностью.

Савер медленно кивнул.

— Да.

Это короткое слово изменило кухню сильнее любого обряда. На полке звякнула банка. В дымоходе отозвался Орв. Где-то наверху одна кровать тяжело опустила покрывало и больше не подняла.

Радан сделал запись, но не торопился превращать призна-

ние в обвинение.

— Что вы способны сделать в ритуальной комнате? — спросил он.

— Услышать тех, у кого сохранилось достаточно связной памяти. Определить, есть ли внешний якорь. Предложить канал ответа.

— Освободить?

— Только если знаю, что именно удерживает. Обычный вызов можно завершить. Здесь вызова не было.

— Значит, вы не тот, кто сейчас отдаёт приказы, — сказала Агна. — Вы переводчик в одной комнате. Полезный, но не главный.

Он поморщился.

— Никто ещё не описывал мою профессию так обидно.

— Привыкайте. Я домработница в доме, где дом работает сам.

Радан усмехнулся в чашку.

Эдна подняла ложку и указала на коридор.

Оттуда уже доносились разные звуки: шорох юбки Меллы, скрежет щётки Орва, сухой шелест библиотечных карточек и ещё несколько шагов, которым они пока не знали имён. Ни один не вошёл в кухню.

Агна поставила девять чашек по кругу, но чай не налила.

— Сегодня вечером, — сказала она, — мы предложим им стол. Не работу и не допрос. Место, от которого можно отказаться.

Савер посмотрел на перевёрнутое блюдо.

— А если никто не придёт?

— Тогда впервые в этом доме пустые чашки будут означать именно пустые чашки.

Он взял вымытую миску и сам поставил её в шкаф. Дом попытался поправить посуду на полке, но остановился прежде, чем коснулся.

Эдна вышла из кухни следом за Агной. У порога она обернулась и один раз стукнула ложкой по косяку.

Савер остался у плиты — некромант в собственной кухне, наконец лишённый самой опасной своей способности: принимать тишину за ответ.

Глава 7. Чай на девять чашек

К вечеру Агна убрала из столовой всё, что могло притвориться услугой.

Она сама сняла со стола кружевную скатерть, потому что та разглаживала складки под ладонями. Савер унёс серебряный поднос, едва не позволив ему уплыть в буфет самостоятельно. Радан перевернул шнур вызова прислуги кистью к стене и записал это как временное ограничение, хотя Агна подозревала: ему просто нравилось давать точные названия разумным поступкам.

Остались длинный голый стол, девять разных чашек и чайник с крышкой, привязанной бечёвкой.

— Почему разных? — спросил Савер.

— Чтобы дом не решил, будто мы восстанавливаем один из его приёмов. И чтобы было видно: место не должность.

— Почему девять?

— Эдна указала на девятую.

— Это могло означать девять гостей, девять работников или девять порций.

— Поэтому чашки пока пусты.

Агна расставила их не по старшинству и не ровным кругом. Кувшин с синей трещиной достался месту у окна, толстая трактирная кружка — углу возле печи, фарфоровая чашка без блюдца — середине длинной стороны. Ни одного

прибора она не положила. Мёртвым не требовались ложки, живым предстояло обслужить себя.

Радан прикрепил к двери лист:

«Вход, присутствие и уход добровольны. Молчание не считается согласием. Действие не считается обещанием повторить его».

Дом сорвал лист.

Радан поднял его, расправил и прикрепил снова двумя кнопками.

Дом сорвал обе кнопки по очереди.

— Упрямый, — сказал Савер.

— Обученный, — поправила Агна. — Здесь десятилетия приглашение означало назначение работы. Он защищает прежнее значение.

Она положила лист на порог и прижала каменной дверной подпоркой. Дом не мог сбросить его, не закрыв вход, а закрытая дверь нарушила бы приглашение. Половицы под столом недовольно вздулись и опали.

— Протокол победил архитектуру, — заметил Радан.

— Подпорка победила архитектуру. Не присваивайте чужую компетенцию.

Он посмотрел на неё поверх очков и записал на полях бланка: «Подпорка».

В семь часов Савер встал в центре столовой и произнёс приглашение. Первый вариант Агна остановила после слов «мои домашние».

— Они не ваши.

Во втором варианте он предложил «явиться для выяснения обстоятельств».

— Это повестка, — сказал Радан.

Третий начинался с извинения и быстро превращался в речь о его вине.

Эту версию остановил уже сам Савер.

— Я опять заставляю их делать работу, — сказал он. — Теперь утешать меня.

Агна кивнула.

С четвёртой попытки получилось просто:

— В столовой есть девять мест. Каждый, кто связан с домом, может войти, остаться у двери или не приходить. Сегодня мы ничего не назначаем. Мы хотим узнать, чего вы желаете для себя. Ответ не обязан быть удобным нам.

После последнего слова часы в коридоре пробили семь. Ударов было восемь.

Никто не вошёл.

Агна налила чай себе, потом Радану и Саверу. Чайник дёрнулся, намереваясь наполнить остальные чашки, но бечёвка зацепилась за ручку. Агна удержала его до тех пор, пока фарфор не перестал звенеть.

— Ждём, — сказала она.

Первые десять минут Савер сидел прямо. Следующие десять изучал чай. На двадцать третьей минуте попытался заговорить, однако Радан приложил палец к губам. Агна не

знала, было ли молчание частью официальной процедуры. Иногда хорошая процедура рождалась именно так — кто-то вовремя не позволял важному человеку заполнить собой комнату.

В половине восьмого в дымоходе за печью заскребла щётка.

Орв не вошёл. Из узкой заслонки выпало облачко сажи и легло на пол двумя словами: «ВИЖУ ДВЕРЬ».

Радан потянулся за пером.

— Не задавайте сразу вопрос, — шепнула Агна. — Пусть он убедится, что дверь останется открытой без ответа.

Они допили по половине чашки. Сажа не исчезла. Дом послал к ней щётку, но Агна поставила на пути свою туфлю. Щётка замерла.

Наконец на пороге появилась Мелла. Не в зеркале и не между взмахами простыни — просто женщина в выцветшем платье, державшая руки так, словно в них по-прежнему лежало сложенное бельё. Она не переступила лист с правилами.

Агна поднялась, но не пошла навстречу.

— Здесь можно стоять, — сказала она. — Можно уйти. Можно выбрать чашку, но чашка ничего не закрепляет.

Мелла посмотрела на девять мест. Потом на Савера.

Тот медленно убрал со стола хозяйскую связку ключей и положил её на пол позади своего стула.

Мелла вошла.

Она выбрала не фарфор и не кружку, а синюю чашку с трещиной. Села у окна. Стул не отодвинулся перед ней; Агна заранее вбила под его ножку клинышек. Мелла сама взялась за спинку, и дерево сдвинулось с тихим скрипом.

Дом дрогнул. На втором этаже разом хлопнули семнадцать дверей.

Мелла вскочила.

— Это не приказ вернуться, — быстро сказал Савер.

— И не доказательство безопасности, — добавил Радан.

— Только слова владельца.

Агна подошла к двери столовой и громко произнесла в коридор:

— Постели сегодня остаются как есть. Если дом их перестелет, это будет действие дома. Мелла за него не отвечает.

Сверху донёсся торопливый шелест простыней. Мелла закрыла лицо ладонями. Агна уже видела этот стыд у живых работников: механизм продолжал дело без них, и освобождение казалось доказательством их ненужности.

— Семнадцать комнат, — сказала Агна. — Четыре обхода. Вы делали работу, которую никто не имел права требовать бесконечно. То, что дом умеет мучить бельё без вас, ничего не говорит о вашей ценности.

Мелла опустила руки.

На запотевшем боку синей чашки проступило: «НЕ ОДНА».

— Вы не хотите уходить одна? — спросила Агна.

Надпись осталась.

— Вы хотите сохранить связь с остальными?

Мелла коснулась трещины. По фарфору прошёл ясный звон.

Радан записал ответ как предварительный и вслух пояснил, что окончательное решение не требуется сегодня. Мелла слушала его внимательно. Когда он закончил, на чашке появилось второе слово: «ЖДАТЬ».

— Можно ждать, — сказал он. — Это тоже решение.

Следующей пришла Эдна. Она принесла собственную деревянную ложку, однако на этот раз не направилась к печи. Выбрала толстую трактирную кружку и встала за стулом, будто проверяла, не вынудит ли её дом сначала подать чай остальным.

Савер налил себе вторую чашку сам. Радан тоже. Агна показала Эдне пустые ладони.

Повариха села.

Едва её ложка коснулась стола, дверцы буфета распахнулись. Девять блюдец построились в ряд, сахарница заскользила к чашкам, а нож принялся нарезать лимон тонкими кружками.

Эдна ударила ложкой трижды.

— Остановить всё? — предположил Савер.

Ложка ударила его по пальцам.

— Не угадывайте приказ, — сказала Агна. — Предлагайте отдельные значения.

Она указала на блюда.

Один удар: да. На сахарницу — два: нет. На лимон — один. Потом Эдна показала на себя и на блюда.

— Вы готовы расставить их сейчас? — спросила Агна.

Один удар.

— Только сейчас, без обязанности повторять?

Один.

— За плату?

Эдна подняла ложку и написала концом на пыльном краю буфета фамилию: «ЛИОР». Ниже — «ЖИВЫМ».

Савер побледнел.

— В книгах расходов жалование не выдавалось сорок два года.

Эдна постучала один раз, затем перечеркнула число и написала: «СО СМЕРТИ».

— До смерти вам платили? — спросил Радан.

Да.

— После смерти вы продолжали готовить, потому что дом удерживал маршрут?

Да.

— А теперь хотите работать по выбранным задачам, если вознаграждение получат живые Лиоры?

Да.

Впервые за вечер Эдна улыбнулась. Улыбка сделала её мягче и строже одновременно.

— Это можно оформить только после установления по-

лучателей и проверки, не создаёт ли плата нового якоря без вашего согласия, — предупредил Радан.

Эдна указала ложкой на его бумаги и изобразила преувеличенно долгий зев.

Агна рассмеялась. Мелла сначала испуганно взглянула на двери, потом тоже беззвучно улыбнулась.

Блюдца Эдна расставила сама — не одинаково, а возле тех чашек, которым они подходили. Синюю оставила без пары. Мелла провела пальцем по трещине, и Агна поняла: это был не недостаток, который требовалось исправить.

Из коридора донёсся шелест карточек. К столу подъехал библиотечный каталог на маленьких колёсах. За ним появился худой мужчина с чернильным пятном на манжете. Фер Кале не сел. Он вынул три карточки и разложил их перед собой:

«ОСТАТЬСЯ».

«БИБЛИОТЕКА».

«МОЁ ИМЯ».

— Вы хотите остаться библиотекарем? — спросил Савер. Фер перевернул карточку «ОСТАТЬСЯ» рубашкой вверх.

Агна заметила ошибку раньше, чем Радан успел её сформулировать.

— Вы хотите остаться в библиотеке, — сказала она. — А насчёт работы мы спросим отдельно.

Карточка снова легла лицом вверх.

Фер достал четвёртую: «КАТАЛОГ НЕ РАБОТА».

— Что же это? — спросил Савер.

Пятая карточка сообщила: «РАЗГОВОР».

Савер закрыл глаза. Возможно, вспоминал все годы, когда книги сами являлись к его креслу, а он благодарил хорошо настроенные чары.

— Я пользовался вашим разговором, не отвечая, — сказал он.

Фер подумал и выставил: «ПЛОХОЙ СОБЕСЕДНИК».

— Справедливо.

Четвёртое место занял Орв — не целиком, а сажевым силуэтом на стене. Чашку он потребовал переставить к печной заслонке. Писал коротко: «ВЫЙТИ». Потом: «НЕ СЕЙЧАС». И после паузы: «ДЫМ НЕ ЯКОРЬ».

Радан подтвердил, что город может предложить мемориальное место, но не стал обещать срок. Орв начертил рядом с его головой квадрат, похожий на окно, и добавил: «СВЕРХУ НЕ СМОТРЕТЬ».

— Условия проверки мемориала, — понял Радан. — Вы участвуете в выборе, и решение не принимается за вас.

Сажа ответила уверенным кругом.

Пятое присутствие они сперва приняли за движение занавески. Из цветочного горшка вырос тонкий зелёный побег, хотя в земле ничего не было посажено. Он обвил ножку стула и раскрыл два бледных листа.

— Ноа? — спросила Агна.

Побег качнулся.

На вопросы садовница отвечала листьями: к окну означало да, к двери — нет. Она хотела оставаться весной и летом, зимой уходить в городской сад памяти. Хотела ухаживать за растениями, но не за газонами, которые Леванта велела стричь ради парадного вида. На слове «оплата» побег указал на мешочек семян в кармане Агны, а затем на двор.

— Новые посадки вместо денег? — уточнила Агна.

Листья разошлись в стороны: вопрос задан неправильно.

После шести попыток они поняли: Ноа хотела, чтобы часть платы шла на общедоступный сад, однако не соглашалась считать сам сад своим якорем. Радан подчеркнул это дважды. Доброе дело тоже могло стать ловушкой, если связать с ним существование без права пересмотра.

Оставались четыре пустые чашки.

Одна задрезбужала, когда в дальнем коридоре кто-то прошёл к выходу. Шаги не приблизились. Агна не позвала вслед и не попросила имени. Через минуту чашка успокоилась.

— Это отказ? — шепнул Савер.

— Это уход от стола, — ответила она. — Не превращайте его в большее решение.

Вторая чашка покрылась инеем, но присутствие не обрело формы. Третья сдвинулась на ширину пальца и остановилась за границей света. Четвёртая осталась пустой настолько совершенно, что Агне хотелось немедленно найти объяснение.

Она не стала.

К девяти часам у них было пять разных желаний, три

неопределённых ответа и одно отсутствие. Общего решения не существовало. Нельзя было освободить «прислугу», потому что никакой единой прислуги за столом не оказалось. Были Мелла, которой требовались время и связь; Орв, готовый уйти при выбранном якорь; Эдна, желавшая нового договора; Фер, защищавший библиотеку как разговор; Ноа, делившая год на работу и покой. И были те, кто ещё не доверял приглашению.

Радан положил чистый лист поверх заполненных бланков.

— Я должен зарегистрировать участников проверки. Для защиты их прав нужны имена.

Фер немедленно выставил карточку: «КОМУ НУЖНЫ».

— Управлению омбудсмена.

Карточка сменилась: «КТО УВИДИТ».

Радан начал перечислять должности и остановился на третьей. Агна увидела, как привычная уверенность покинула его лицо.

— Я не могу гарантировать, что запись останется только у меня, — признал он. — Доступ получают делопроизводитель, начальник управления и, при споре, городской суд.

Мелла отодвинула синюю чашку.

— Тогда сегодня имён не будет, — сказала Агна.

— Без имён сложнее обеспечить представительство.

— А с именами сложнее обеспечить безопасность. Сначала принесите форму, в которой человек может выбрать уровень открытости.

— Такой формы нет.

— Значит, у вас тоже есть комната, где вы не слышите мёртвых.

Радан посмотрел на неё долго, без обиды.

— Есть, — сказал он. — И я до сих пор принимал исправность отчётности за согласие заявителя.

Савер невесело усмехнулся.

— Добро пожаловать на кухню.

Радан зачеркнул заголовок регистрационного листа. Вместо него написал: «Закрытая рабочая запись. Имена не передаются до отдельного согласия каждого участника». Подписался и передал перо Саверу.

Тот подписал как владелец дома. Агна — как управляющая и свидетельница условий. Фер прочитал запись, выбрал карточку «ВРЕМЕННО» и положил поверх подписей.

Дом решил, что вечер окончен.

Стулья одновременно подались назад. Чайник поднялся, чашки потянулись к подносу, скатерть выползла из буфета белой волной. Мелла вцепилась в подоконник. Эдна заслонила кружку ладонью. Побег Ноа свернулся вокруг ножки стула.

— Никто не назначал уборку! — крикнул Савер.

Дом не остановился.

Агна схватила край стола обеими руками.

— Вечер не окончен, пока участники сами не покинут места.

Стол рванулся из-под ладоней. Под кожей правой руки нагрелась связка ключей. Не хозяйская связка Савера — бронзовый ключ с буквой «М», запечатанный лентой артели и лежавший в кармане Агны.

Лента лопнула.

Ключ сам лёг ей в ладонь. Зубцы изменились с сухим металлическим щелчком, словно невидимый мастер подогнал их к замку, которого Агна ещё не видела.

Все двери Тихого Порога открылись.

Не распахнулись от ветра, а встали на точный угол, освобождая проходы от столовой до лестницы, кухни, сада, библиотеки и парадного выхода. Стулья замерли. Чайник опустился. Скатерть застыла на половине пути.

Мелла первой отпустила подоконник. Она подняла синюю чашку, поставила её на стол — сама — и пошла к двери. На пороге оглянулась на Эдну. Та кивнула, но осталась допивать запах чая над трактирной кружкой.

Орв исчез в дымоходе. Ноа втянула побег в землю. Фер собрал карточки и покатил каталог в библиотеку, оставив «ВРЕМЕННО» на договоре. И только когда каждый выбрал собственный момент, столовая позволила мебели сдвинуться.

Агна разжала ладонь. На ключе больше не было буквы «М». Вместо неё проступил знак из семнадцати маленьких прямоугольников — комнат Меллы.

— Дом отдал вам маршрут, — прошептал Савер.

— Нет, — сказала Агна, чувствуя, как металл узнаёт её пальцы. — Он признал во мне хозяйку.

Слово не понравилось ей прежде, чем стихло.

Радан смотрел не на ключ, а на открытые двери.

— Что вы сделали?

— Ничего намеренно.

Агна подошла к столу. На месте, где лежала ладонь, древесина стала гладкой и тёплой. В ней звучал далёкий женский голос — мать диктовала порядок приёмки дома после зимнего простоя. Агна знала эту запись: в детстве они с Дарой находили её в стене кладовой семейной артели и прослушивали, прикладывая ухо к доскам.

Теперь голос звучал здесь, в чужом особняке.

Дом почувствовал память, которую она принесла с собой, и впустил её в свою опись.

Агна отдёрнула руку.

— До завтра ключ остаётся у меня, — сказала она. — Никто не пытается открыть им ни одной двери.

— А завтра? — спросил Савер.

Она посмотрела на девять чашек. Эдна убрала только своё блюдо и кружку. Остальные места сохранили беспорядок выбранных уходов: синяя чашка у окна, карточка на договоре, сажа у печи, земля на ножке стула. Впервые стол выглядел не плохо обслуженным, а честно использованным.

— Завтра мы выясним, какую цену дом назначает хозяйке за изменение маршрута.

Из-под лестницы донёсся один тяжёлый удар.
Не согласие. Не отказ.
Счёт.

Глава 8. Ключ хозяйки

Утром ключ лежал посреди инвентарной книги, хотя Агна заперла его на ночь в жестяной кассе.

Касса осталась закрытой. Сургуч на замке не треснул, проволока не ослабла, а внутри обнаружился аккуратно сложенный лист с правилами временной проверки. На полях чужим, слишком ровным почерком появилось: «Хозяйке незачем просить собственный ключ».

— Уверенное начало трудовых переговоров, — сказал Радан.

Он ночевал в кабинете Савера, потому что это оказалось единственным помещением, которое никто из умерших не обслуживал. К утру омбудсмен выглядел так, словно папка с жалобой всю ночь задавала ему дополнительные вопросы. Савер, напротив, пришёл в столовую бодрым и принёс три пары щипцов, защитные очки и серебряную клетку для предметов с дурными намерениями.

— У ключа могут быть намерения? — спросила Агна.

— У ключа — редко. У замка — почти всегда, — ответил некромант.

Агна не позволила ни щипцам, ни клетке приблизиться к книге. Сначала переписала новую фразу в журнал, отметила целостность печати и заставила обоих свидетелей расписаться. Только потом взяла ключ через сложенную вдвое салфетку.

Бронза была тёплой. Семнадцать прямоугольников на бордике складывались в маленький коридор, и один за другим в памяти вспыхнули гостевые комнаты Меллы: белая, зелёная, две угловые, четыре с видом в сад, девять запертых на случай гостей, которых не было много лет. Агна знала, где скрипит каждая кровать. Это знание не принадлежало ей вчера.

— Он передал мне не дверь, — сказала она. — Участок хозяйства.

— Маршрут, — уточнил Савер.

— Участок. Маршрутом он станет, если я соглашусь смотреть на комнаты как на одно повторяемое действие.

Радан записал её формулировку. Агна заметила это и испытала нелепое облегчение: хотя бы слова пока оставались там, куда она их положила.

Проверку устроили в семнадцатой спальне. Здесь Мелла обычно заканчивала четвёртый обход; здесь же простыня чаще всего сама натягивалась поверх ещё тёплого матраса, будто дом торопился поставить последнюю отметку. Агна велела снять бельё, распахнуть окно и поставить у порога скамью. На неё разложили четыре предмета: медный напёрсток, пустую карточку из каталога, кусок печного угля и синее блюдо без пары.

— Ни один не связан с личной памятью? — спросил Радан.

Савер проверил каждый предмет ритуальной рамкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.